K582/119

О. ЧААДАЕВА

К58 2/10

АРМИЯ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СОЦЭКГИЗ—1935

На материале, разбираемом автором, вскрывается процесс разложения царской армии в годы империалистической войны, показана работа партии в армии, нарастание революционного подъема и практическое осуществление большевистского лозунга о превращении войны империалистической в гражданскую.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР

2438.36

2438
26. II 6

Редактор З. Жидкова Технический редактор Е. Этингоф

Сдано в производство 5/I 1935 г. Подписано к печати 28/III 1935 г.
Бумага 82 × 110/32. Печ. лист. 5. 38 000 зн. в печ. л. Огиз № 1457
Уполн. Главлита Б1726. Тираж 10 000.

Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18. Н. 15.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социалистическая революция в России в октябре 1917 г. положила начало новой эры в истории человечества. На одной шестой части земного шара — на территории Европы и Азии построен фундамент социалистической экономики, крепнет и развивается социалистическое строительство, а по всему миру поднимаются мощные волны революционного движения пролетариата и идущих под его руководством широких масс трудящихся. «Идея штурма зреет в сознании масс» (Сталин).

Вооруженной рукой пролетариата старый мир угнетения и эксплоатации будет свергнут и уничтожен до конца.

Стачки, столкновения с полицией и фашистами, наконец вооруженное выступление рабочих в Австрии и революционные события в Испании — это только форпостные стычки перед решающим штурмом, только первые вспышки молнии, первые раскаты новой приближающейся бури.

В острые моменты классовой борьбы особое значение приобретает вопрос об армии. Для пролетариата решающее значение имеет вопрос, на чьей стороне армия выступит в момент решительных схваток труда и капитала.

Ленин всегда подчеркивал огромную роль создания ядра революционной армии и ее активного участия в вооруженном восстании. Вопрос об армии приобретает в настоящее время тем большее значение, что современный период является периодом созревания новых войн и революций.

Реальной является угроза наступления империализма против Советского союза, угроза новой империалистической войны между капиталистическими странами.

Во время войны под ружье будут снова поставлены миллионы рабочих и крестьян. От того, как быстро и решительно эти миллионы солдат капиталистических армий противопоставят свою волю воле правящих классов, будет за-

висеть исход войны — кончится ли она империалистическим миром или перерастет в великое восстание пролетариата и всех угнетенных масс.

Коммунисты со всей решительностью должны готовить и накоплять силы для последнего штурма капитала и всемерно бороться против военной опасности. «Чрезвычайная напряженность как внутренних классовых противоречий в капиталистических странах, так и международных антагонизмов свидетельствует о такой зрелости объективных предпосылок революционного кризиса, что в настоящее время мир уже в п л о т н у ю подходит к новому туру революций и войн» (Тезисы XIII пленума ИККИ). Коммунисты не должны забывать, что империалистическая государственная машина и обман масс социал-демократией являются еще настолько сильными рычагами воздействия на массы, что могут оказаться способными подавить нарастающее движение, сорвать подготовку штурма и снова бросить массы в горнило войны и величайших страданий.

Коммунисты должны быть готовы к условиям войны, к тому, что они поведут в последний бой миллионы пролетариев, после того как эти миллионы в время войны получат оружие из рук самой буржуазии, станут «вооруженным народом». Поэтому коммунисты, осуществляя тактику сегодняшнего дня, должны определить тактику будущего, приспособленную к условиям войны.

Основной сокровищницей и арсеналом боевого опыта для всех компартий является история большевизма. Решения VI конгресса Коминтерна о борьбе с военной опасностью и тактике компартий во время войны целиком опираются на этот опыт. В случае, если разразится война, руководящим положением для всех компартий капиталистических стран явится положение об использовании войны и создаваемых ею трудностей в революционных целях. Ведущим должен стать лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. Коммунисты не должны ограничиваться только пропагандой своих взглядов, а должны всемерно добиваться сплочения и организации масс на борьбу за осуществление своей политической программы. Все формы и виды организационной и пропагандистской деятельности партии во время войны получают еще более широкое применение, рассчитанное на самую углубленную работу среди пролетариата и в армии.

Если достаточно уже изучена революционная борьба пролетариата России в годы мировой войны, то мало еще ис-

следованы все особенности революционного движения в царской армии. Между тем показ революционной борьбы солдат царской армии является одним из наиболее ярких подтверждений лозунга о превращении империалистической войны в гражданскую и одной из наиболее наглядных иллюстраций к решениям VI конгресса Коминтерна, мобилизующим массы на борьбу с военной опасностью и на подготовку вооруженных сил пролетарской революции.

Решения VI конгресса Коминтерна особенно много уделяют внимания вопросу о работе в армии в мирной обстановке и в условиях войны. Недооценку этого вида партийной работы отдельными компартиями VI конгресс признал существенным пробелом и недочетом в борьбе за завоевание и мобилизацию масс под большевистскими лозунгами.

Настоящая брошюра не претендует на всестороннее и исчерпывающее освещение истории царской армии в годы империалистической войны. Она имеет целью показать процесс разложения царской армии и нарастания революционных настроений и борьбы солдат в 1914—1917 гг.

Изучение этих явлений еще лишний раз подтверждает огромное революционно-организующее влияние работы большевистской партии. Влияние ее проникает в самую толщу солдатских масс благодаря проявлению активности пролетариями, призванными в армию, а также благодаря огромному воздействию на солдат революционной борьбы рабочего класса, выступавшего под руководством большевистской партии и под ее лозунгами.

В настоящий момент назревания революционной ситуации в Европе и подготовки новой империалистической войны страницы, освещающие революционное движение в царской армии в 1914—1917 гг., могут представить значительный интерес для широкого читательского актива СССР и для пролетариев зарубежных стран.

При составлении брошюры нами широко использованы солдатские письма. Эти письма особенно ярко отражают процесс нарастания революционного недовольства в армии и практическое осуществление большевистского лозунга о превращении войны империалистической в гражданскую.

I. ЦАРСКАЯ АРМИЯ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Россия — колосс на глиняных ногах

Царская Россия участвовала в мировой войне в качестве одного из крупнейших империалистических хищников, располагавшего огромной в количественном отношении армией и флотом [1]. Военная сила России заставляла другие империалистические правительства считаться с нею как с серьезной силой. Но это был колосс на глиняных ногах. По сравнению с другими империалистическими державами Россия выступала как страна со среднеслабым уровнем капиталистического развития и являлась слабым звеном империалистической цепи. Политический строй России не соответствовал той ступени капитализма, какого достигла страна. Россия шла по пути промышленно-капиталистического развития, но последнее сочеталось с сохранением крепостнического землевладения. Несмотря на успехи капитализма, у власти попрежнему стоял класс крепостников-помещиков. Крепостническое землевладение являлось основной опорой самодержавия. Буржуазия тянулась к власти, но в силу своей реакционности не была способна стать на путь борьбы и стремительно шла по пути закрепления союза с помещиком.

В авангарде революционной борьбы шел пролетариат, для которого победа над царизмом была лишь первым этапом в борьбе за осуществление социализма. Пролетариат возглавил движение многомиллионных масс крестьянства в их многовековом стремлении сломить, сокрушить крепостническое землевладение.

---

[1] К началу войны русская армия насчитывала 1 423 тыс. военнослужащих. См. «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. в цифрах», ЦСУ М. 1925, стр. 4.

Если революция 1905 г. потерпела поражение и задачи буржуазно-демократического переворота не получили разрешения, то они все же не были и не могли быть сняты.

После разгрома революции 1905 г. в отличие от меньшевиков, ставших на путь приспособления к столыпинскому режиму, большевики заявляли о неизбежности нарастания и приближения новой революции. И действительно, накануне войны революционный подъем достиг уже высокой ступени. Вооруженный опытом революции 1905 г., опытом сочетания легальных и нелегальных форм борьбы в годы реакции пролетариат накануне войны неуклонно и твердо шел навстречу новому бою с самодержавием. Перед самым объявлением войны рабочий Петербург вновь вступил в полосу уличных схваток и столкновений с полицией. Пролетариат, как и в революции 1905 г., выступал в авангарде революционного движения. За выступлениями пролетариата должны были неминуемо последовать выступления крестьянства и армии. Начало мировой войны временно сорвало дальнейшее нарастание революционной борьбы в стране, но только временно; империалистическая война сыграла большую революционизирующую роль.

Война, по словам Ленина,— великий режиссер и могучий ускоритель революции. Ее революционизирующее влияние было тем большим, что накануне ее страна стояла на пороге революции. Царское правительство, приняв участие в мировой войне, преследовало осуществление своих захватнических планов. Участие в новом переделе мира должно было обеспечить «исконные» стремления военно-феодального империализма, пытавшегося овладеть проливами — Босфором и Дарданеллами, — Галицией, Арменией и другими областями.

Война велась в интересах буржуазии и кулацкой прослойки крестьянства, получившей во время войны более широкую возможность спекуляции хлебом и эксплоатации большинства деревни.

Эта империалистическая политика находила полную поддержку у социал-шовинистов, открыто выступавших с поддержкой буржуазии.

Война велась в ущерб интересам широких трудящихся масс, которым она несла гибель и разорение.

Великое свойство войны состоит в разоблачении на деле перед глазами десятков миллионов людей того несоответствия между народом и правительством, которое до этого было видно только небольшому сознательному меньшин-

ству. Так говорил Ленин по поводу падения Порт-Артура.

Во время русско-японской войны военный крах стал началом крушения политической системы. Этого военного краха царская Россия не смогла избежать и во время мировой войны.

С самого начала войны можно было предвидеть поражение царской России в столкновении с более могучими империалистическими хищниками. Военные поражения развязывали недовольство царским режимом, накопившееся во всей стране, а это революционное недовольство в свою очередь содействовало разложению армии и дальнейшим поражениям. Военное могущество России оказалось призрачным и мишурным. Колосс зашатался на своих глиняных ногах уже в первые месяцы империалистической бойни.

2. Структура и режим царской армии

Царская армия отражала социально-экономический строй страны. Во главе армии стояло буржуазно-помещичье командование, за небольшими исключениями почти сплошь бездарное, ее массу составляли солдаты из рабочих и крестьян, которых начальство муштровкой и свирепой дисциплиной стремилось довести до состояния одушевленных автоматов. Стоявший у власти старый, гниющий заживо класс не мог дать армии другого руководства и не мог строить ее на иных основаниях, чем самая жестокая муштра и палочная дисциплина. Армейский режим должен был являться и являлся наиболее ярким отражением диктатуры крепостников-помещиков. Проникновение буржуазных элементов в верхи армии, усиливавшееся в XX в., уживалось с весьма архаической системой назначения на высшие командные должности. При назначениях большую роль играли родовитость, связи, принцип старшинства.

«Высшая аттестационная комиссия, собиравшаяся раз в год в Петрограде, почти никого из аттестуемых не знала...»[1] — говорит генерал Деникин. Зато принцип старшинства соблюдался свято. Благодаря этому во время войны «бездарности, оставаясь на своих местах, губили и войска и операции»[2], и были только отдельные командующие, которые отрешали от должности целый ряд начальствующих лиц, не соответствовавших своему назначению. Так например генерал Брусилов в первые же дни сосредоточения VIII армии

[1] Деникин, Очерки русской смуты.
[2] Там же.

(июль 1914 г.) отрешил от командования трех начальников дивизий и корпусного командира. Но это конечно системы в целом не меняло. Система вполне соответствовала всему укладу и строю царской России, олицетворявшим господство крепостника-помещика. В полном соответствии с этим строем крайне угнетенным было положение солдат.

Солдаты во время войны, миллионами заполнившие казармы в тылу и окопы на фронте, жили в атмосфере постоянных издевательств, угрозы смертной казни, порки, официально узаконенной в 1915 г.

Какие бы то ни было проявления недовольства против зверского режима и бесправного положения солдата в армии, против открытого самоуправства и произвола преследовались и подавлялись самым беспощадным образом. Малейший намек на жалобу против грубого, несовместимого с человеческим достоинством обращения с солдатом был исключен. Армейский режим был доведен до степени кошмара, до степени, последнего предела человеческого терпения и выносливости в физическом и моральном отношениях.

Воспитанный соответственно всей системе и всему армейскому строю в слепом повиновении начальству и низведенный до положения живого автомата, солдат был не пригоден к проявлению инициативы и самостоятельности в бою — качеств, все более и более укореняемых и воспитываемых в солдатах технически более передовых армий.

Солдаты во время войны всегда жаловались на то, что система обучения такова, словно их готовят на парад, а не в бой. Не так одетая фуражка и ремень больше обращали внимание начальства, нежели полная неподготовленность к действиям в сложной обстановке современного боя. Мало подготовленное молодое офицерство не было способно к руководству в боях и не пользовалось авторитетом у солдат.

Характеристика царской армии будет неполна, если мы не учтем еще одного очень существенного обстоятельства. Царская армия была армией страны «военно-феодального империализма». Царизм «был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускающиеся ему в Париже, и Лондоне, в Берлине и Брюсселе» (Сталин).

Царская Россия являлась «величайшим резервом западного империализма» в том еще смысле, что именно ее армия должна была давать миллионы бойцов для защиты

прямых интересов западноевропейского империализма. Между царским правительством и империалистическими правительствами Западной Европы на этот счет была заключена сделка: на одной стороне фигурировали золото, финансовая и хозяйственно-техническая поддержка, а на другой — миллионы жизней рядовой солдатской массы.

Согласно конвенции между Францией и Россией было установлено, что главным противником является Германия, против которой должны были быть сконцентрированы главные силы союзнических армий. Соответственно этому Франция направляет против Германии от 1 200 тыс. до 1 300 тыс. войск, Россия должна была выставить против Германии от 700 тыс. до 800 тыс. войск. Такие условия были оговорены при первом заключении договора. Между тем для России Австро-Венгрия отнюдь не была второстепенным противником. Впоследствии невыгодный для России характер конвенции был еще более усилен рядом дополнений и изменений, которые обязывали русскую армию в самом начале войны вторгнуться в пределы Германии, оставляя лишь заслон против австрийских войск[1].

Кроме того Россия вообще обязалась во всем следовать плану военных действий, разработанному французским генеральным штабом. Французское командование свои первоначальные военные расчеты построило на том, что большое количество войск противника будет оттянуто русской армией, которая должна была голыми руками, одной своей численностью ослабить общего противника.

Союзники, снабжавшие Россию деньгами, цинично требовали от царской армии наступлений каждый раз, когда положение на западном фронте становилось более напряженным. Они открыто высказывали свои надежды на индийские войска и на то, что «казаки» скоро будут в Берлине. Для отношения французских рантье характерен диалог, приводимый Савинковым:

— Так вы надеетесь на нас, русских?

— Да, конечно на вас...

— А ваша армия?

— Ах, знаете... Вас миллионы... Вы без труда раздавите немцев... Вас слишком много. Мы должны победить...[2].

---

[1] Михаил Павлович (М. П. Вельтман), РСФСР в капиталистическом окружении, вып. 1, «Советская Россия и капиталистическая Франция», Гиз, 1922, стр. 15.

[2] Ропшин, Во Франции во время войны, ч. 1, изд. 2-е, «Задруга», М. 1918, стр. 6.

Царизм, поставивший во время войны ставку на удовлетворение своих аппетитов в отношении Галиции, Армении и проливов, ради достижения этих целей не останавливался перед тяжестью обязательств, возлагаемых союзниками на русскую армию.

Зависимость русского командования от французского генерального штаба отражала зависимость положения русского военно-феодального империализма в кругу передовых в отношении техники и финансовой мощи империалистических держав. Эта зависимость вынуждала царскую ставку предпринимать активные операции даже тогда, когда ее войска были недостаточно подготовлены или крайне утомлены предшествовавшими боями. Русская армия наступала даже тогда, когда у нее нехватало винтовок и снарядов и когда ее вновь мобилизованные кадры не были достаточно обучены.

К тому же надо учесть технический уровень и организацию боевого снабжения России в годы мировой войны.

3. Техническая отсталость царской армии во время мировой войны

Во всех армиях империалистами в целях уничтожения противника были призваны на службу все достижения в области химии, воздухоплавания и техники. Показателем «технического» характера войны служат уменьшение в процентном отношении пехоты и возрастание артиллерии, аэронавтики и инженерных войск.

Если другие страны кое-как начали справляться с задачей расширения и развития работы в тылу на нужды войны уже в 1915 г., то Россия вплоть до 1917 г. продолжала все еще топтаться на месте. Какую бы мы ни взяли сторону ее военного снаряжения, всюду мы увидим значительную отсталость, что оказывало решающее влияние на ход событий на фронте. Эта техническая отсталость была прямым отражением несоответствия между политическим строем страны и потребностями капиталистического развития, и давала себя знать буквально во всех отраслях военного дела.

Общеизвестен факт, насколько в мировой войне изменилась роль артиллерии. Если в условиях маневренной войны на артиллерию возлагалась как главная задача поддержка атаки пехоты, то с переходом войны в позиционную главными задачами артиллерии стали непосредственная подготовка атак и разрушение тех преград, которые могла встретить пехота на своем пути (проволочные заграждения,

блиндированные окопы и т. д.). В связи с этим особенно существенное значение приобретала тяжелая артиллерия. Между тем еще накануне войны Россия не имела достаточно сильной артиллерии. Франция и Германия очень многое сделали по части усиления артиллерии во время самой войны, Россия же отставала от них весьма значительно. Но самое главное было в том, что царизм оказался настолько несостоятельным, что не только не смог поднять технический уровень армии, но на первом этапе войны не сумел вообще обеспечить ее достаточным количеством винтовок, орудий и снарядов.

К началу войны русская армия располагала лишь 6,5 млн. 3-дюймовых патронов и около 600 тыс. снарядов к орудиям средних калибров. Для орудий свыше 6 дюймов правительство запасов не имело и жило в таком состоянии до 1916 г. С самого начала в России недоставало для вооружения мобилизованных около 380 тыс. винтовок, 30 млрд. патронов и около 1 600 пулеметов.

К августу 1915 г. потребность фронта в пулеметах выражалась уже в 12 039 штук.

Через 2—3 месяца с начала войны уже начался разговор об экономии снарядов. Наиболее тяжелым было положение гаубичной артиллерии.

К октябрю же 1914 г. армии недоставало 870 тыс. винтовок, а заводы России в силу неразберихи и нераспорядительности при крайнем напряжении могли давать в общей сложности по 45 тыс. в месяц. Естественно, жалобы на недостаток винтовок, патронов и снарядов были отчаянные.

«Расход патронов, и особенно пушечных, громадный... Нужда крайняя, ибо требование их громадное, непрерывное...» — телеграфировал 27 августа 1914 г. в ставку начальник снабжения армий юго-западного фронта генерал Забелин. На другой день от него уже слышался настоящий вопль: «Помогите! Положение отчаянное»[1].

13 октября главнокомандующий юго-западным фронтом генерал Иванов писал начальнику штаба фронта Янушкевичу:

«...Источники пополнения боевых припасов артиллерии иссякли совершенно. При отсутствии пополнения придется прекратить бой и выводить войска в самых тяжелых условиях»[2].

---

[1] А п у ш к и н, Генерал от поражений Сухомлинов, стр. 91, 94.
[2] Там же.

Главнокомандующий северо-западным фронтом генерал Рузский доносил 25 ноября 1914 г.: «У главного начальника снабжения нет ни одного парка...»[1]. С кавказского фронта гр. Воронцов-Дашков писал 25 октября: «При малочисленности кавказской армии сила огневого действия заменяет количество войска, потому недостаток патронов поставит армию в безвыходное положение»[2].

Стараясь побудить Сухомлинова к экстренным и энергичным мерам, Янушкевич 22 ноября 1914 г. сообщил ему, что «с уменьшением числа орудий и патронов стало выбывать из строя на 50—60% больше»[3]. 5 февраля 1915 г.: «На фронте Бзуры есть батареи с 100 патронами на орудие...»[4]; 27 мая 1915 г.: «На участке одного из полков немцы выпустили 3 тыс. тяжелых снарядов... А у нас было выпущено едва 100»[5]; 9 июня 1915 г.: «В 12-м корпусе 7-й дивизии в составе 12 тыс. штыков нет винтовок, и 150 тыс. стоят без ружей»[6].

Против прекрасно подготовленного и вооруженного врага приходилось сражаться чуть ли не голыми руками. Считают, что к августу 1915 г. на фронте было до 30% безоружных. На артиллерийскую канонаду противника русская артиллерия или молчала или отвечала отдельными выстрелами. Это обрекало русскую армию на еще большие жертвы, чем любую армию во время империалистической войны, вообще сопряженной с массовостью потерь, вызываемых широким использованием мощных средств уничтожения и поражения людского состава.

Потребность русской армии в винтовках, снарядах и патронах была значительно выше, нежели поступления от заказов на внутреннем и внешнем рынках.

Техническая помощь союзников была явно недостаточной по сравнению с той ролью, какую играла в войне русская армия.

Когда в самом начале войны выяснился большой недостаток предметов боевого снаряжения, особенно винтовок с патронами, и полная невозможность быстро получить их на внутреннем рынке, было решено прибегнуть к рынкам Франции, Англии и Японии, а затем Америки. Прежде все-

---

1 Апушкин, Генерал от поражений Сухомлинов, стр 91, 94.
2 Там же.
3 «Красный архив» № 2 за 1923 г., стр. 137.
4 Там же, № 3 за 1925 г., стр. 32, 60, 70—71.
5 Там же.
6 Там же.

то речь зашла о винтовках. Но на просьбы России уступить из наличных запасов готовые винтовки отовсюду последовал категорический отказ. Только после больших усилий небольшую партию в 30 тыс. винтовок удалось купить в Японии. Переведя за границу (в Америку, Англию, Францию и Японию) громадные запасы золота, Россия создала там новые военные предприятия, если не особенно успешно обслуживавшие Россию, то во всяком случае укрепившие военную промышленность указанных стран[1].

По данным Павловича[2], за все время войны русская армия получила от союзников 1 800 тыс. винтовок, в том числе 4 тыс. итальянских ружей устарелого образца, которые пришлось отправить в лагери для обучения новобранцев. Этого числа винтовок было совершенно недостаточно, ибо ежемесячная убыль в винтовках благодаря энергичным действиям русской армии и большим потерям достигла 200 тыс. в месяц, что в течение трех лет войны составило 7 200 тыс. В общем России нехватало 10 млн. винтовок. То же самое было и в отношении снабжения России тяжелой артиллерией. В переписке генерала Алексеева с Жилинским есть между прочим такое заявление: «Мы деремся без тяжелой артиллерии; у англичан лежит без дела тяжелая артиллерия, ибо нет еще тех войск, которые нужно вооружить этой артиллерией. Кальвелль говорит, что в апреле их армия будет «насыщена тяжелой артиллерией», и англичане могут начать помогать нам. Значит помощь мы получим в июне (в лучшем случае), а в марте—апреле нужно атаковать противника»[3].

Единственное, на чем отставшая в отношении техники Россия могла строить свои расчеты на победу, была живая человеческая сила. Такого хищнического расточения людских запасов не знала и не могла знать ни одна из армий мира. Даже Франция не идет ни в какое сравнение с Россией: если во французской армии и были значительные потери, то они имели место наряду с тем, что французы, широко применяя технику, не только наносили существенный урон армиям противника, но срывали его отдельные стратегические и тактические успехи. Совсем не так об-

---

[1] Маниковский, Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1916 гг., ч. 1, стр. 19 и 22.

[2] Павлович, Советская Россия и капиталистическая Франция, стр. 26.

[3] Письмо генерала Алексеева от 16 января 1916 г., приводимое Павловичем в его работе «Советская Россия и капиталистическая Франция».

стояло дело в царской армии, которая терпела поражение за поражением.

Еще и посейчас немецкие военные теоретики не скрывают своего почтительного отношения к бывшим «вождям» царской армии, которые, не щадя человеческих жизней, пытались выиграть войну на основе численного перевеса своих армий и безжалостного расходования людского состава.

«Беспощадное использование русских войск, вожди коих никогда не щадили человеческих жизней, сохранили для нас в их лице достойных внимания противников, несмотря на все понесенные ими тяжелые потери и совершенно недостаточную подготовку их запасных контингентов» — так писал о царской армии, подводя итоги мировой войны, доктор Берлинского университета Фрейтаг Доринготен.

В необеспеченности фронта боевыми припасами сказалась вся организационная немощь класса, стоявшего у власти и державшего в своих руках военное дело. Доставка патронов, винтовок и снарядов улучшилась только в 1916 г. Но к этому времени противник и союзники сумели значительно обогнать Россию по части всякого рода нововведений и дальнейшего развития техники. Как выражались солдаты, «война стала еще хитрее».

4. Снабжение армии продовольствием, одеждой, обувью. Боевое снабжение фронта в 1914—1917 гг.

Победить врага при технической отсталости было невозможно. Еще менее возможно это было потому, что солдат на фронте был голоден и чуть ли не бос и гол. Хозяйственная разруха, охватившая Россию во время войны, сказалась не только в том, что фронт не получал достаточного количество винтовок, снарядов и т. п. Скверно обстояло дело со снабжением пищей, обувью и одеждой. Питание солдат было поставлено ниже всякой критики. «Пища нижних чинов плохая. Хлеба мало. Мясо дают почти каждый день с супом. Каши не дают. Роют картофель» [1] — записывает Куропаткин 21 декабря 1914 г.

«Люди голодают», «есть корпуса, где все еще голодают» — записывает он 7 декабря 1914 г. и 1 февраля 1915 г.

Эти данные подтверждаются письмами солдат с фронта. Солдаты то и дело писали, что они «голодуют», что стали давать такую пищу, какую не станет есть собака: обыч-

[1] «Разложение армии в 1917 г.», Сборник, Гиз, 1925, стр. 1 и 2.

но варят один день сухую воблу, другой день селедку. В других местах бывало еще хуже: голодные солдаты собирали на полях колосья ячменя и без соли варили кашу.

В целом ряде пунктов вместо обычных трех фунтов хлеба выдавали один и полтора, мясо варилось только два раза в неделю на один обед, в остальные дни — постный суп «с грибами и червями». Хлеб выдавался плохого качества («хлеб рубим топором»).

Как правило, теплое обмундирование и сапоги постоянно запаздывали и не попадали на фронт. Янушкевич в письме от 12 декабря писал Сухомлинову: «Много людей без сапог, отмораживают себе ноги, без полушубков или телогреек начинают сильно простуживаться»[1].

«Ходим оборваны, сапог тоже нет, хожу почти что босиком, на одних портянках»[2] — пишет солдат. «Наша пехота бедная, ходит в лаптях»[3] — сообщает другой.

Меньше всего жалоб на довольствие было из артиллерийских и кавалерийских частей и больше всего из пехотных и от солдат частей специального назначения—саперных батальонов, авиационных отрядов и в особенности из тыловых частей—всякого рода дружин, маршевых команд и т. п. Следовательно в пехоте, самом многочисленном виде войск, голодало большинство солдатской массы. Обеспеченный образ жизни вело только офицерство, получавшее высокие ставки и не отказывавшее себе ни в чем.

Положение со снабжением фронта пищей, обувью и одеждой в 1915—1916 гг. не только не улучшалось (как это обстояло с доставкой боевых припасов), но с каждым днем все больше ухудшалось. «Довольствие, пища, одежда, обувь и прочее—в этом отношении положение вещей и мнение о нем солдатской массы весьма печальны по достоинству»[4] — сообщал цензор юго-западного фронта в отчете за 10—20 февраля 1916 г. Солдаты попрежнему писали о том, что кормят их плохо, «лишь бы не умер». В декабре 1916 г. они сообщали, что носят летние фуражки, что сапог не выдают, что треть полка ходит босиком. Попрежнему жаловались на то, что из-за недостатка теплого обмундирования отмораживают себе руки и ноги, десятками насмерть замерзают в окопах.

---

[1] „Красный архив", т. II, стр. 144.

[2] „Царская армия в период мировой войны и Февральской революции", Сборник, Татиздат, Казань 1932, стр. 37.

[3] Там же, стр. 38.

[4] ЦВИА, д. № 25—906, л. 305.

«Невозможно описать, до чего оборваны наши солдаты. Шинели дрянные, сукно, как решето,— само расползается. Огромные заплаты из палаточной зеленой парусины или из мешков белого цвета, на обшлагах бахрома до вершка длины, подол в лохмотьях, на ногах башмаки, а не сапоги, выше ноги обернуты чем попало. Форменные оборванцы. Жаль до слез этих боевых солдат. Девятнадцать месяцев без отдыха на самых передовых позициях, и все время под пулями» [1] — читаем мы в письме прапорщика, прошедшем военную цензуру в Москве в начале апреля 1916 г.

Армия терпела нужду в одежде и продовольствии, получая недоброкачественные продукты зачастую только из-за нераспорядительности и преступно небрежного и недобросовестного отношения к удовлетворению солдатских нужд.

«Сапог у многих нет. Ноги завернуты полотнищами. А между тем масса вагонов с сапогами стоят забитыми на станциях»,— записал в дневнике Куропаткин 28 декабря 1914 г. Один из офицеров писал в декабре 1915 г., что солдаты «в Августовских лесах ходили оборванцами» [2], что у них и сейчас нет обуви, нет поясов (ходят подвязанные веревками), а между тем при сдаче Гродно немцам достались громадные здания, полные всякими вещами и амуницией.

Официальные приказы от октября 1914 г. подтверждают, что войска армии северо-западного фронта голодали, в то время как доставленный хлеб не был выгружен из вагонов и был возвращен интендантству испортившимся от долгого лежанья. В X армии съели сухарный запас, в то время как можно было получать хлеб из корпусных и местных хлебопекарен [3]. В феврале 1915 г. на северо-западный фронт было доставлено 11 тыс. пудов замороженного мяса, но 10 тыс. из них были признаны негодными и уничтожены. Часть мяса испортилась в пути, но большая часть его оказалась негодной только потому, что прибывшее мясо своевременно не было принято смотрителем продовольственного склада и не было роздано по войскам. Войсковые части, вернее офицеры, отказывались брать «битое мясо». Такое мясо означало отсутствие «экономии» на фураже скота и на его весе и было невыгодно войсковому начальству [4].

---

[1] ЦВИА, д. № 25—922, л. 110—111.
[2] Там же, д. № 25—886.
[3] Л е м к е, Двести пятьдесят дней в царской ставке, стр. 318.
[4] Там же.

После Февральской революции солдатами было подано немало жалоб с указанием на факты обворовывания их и казны лицами командного состава, причастными к расходованию хозяйственных сумм. О фактах воровства по вполне достоверным источникам говорит в своем дневнике и генерал Куропаткин. Свидетельство этому мы имеем и в ряде писем солдат того времени. «Воруют все, начиная с кашевара и кончая, наверное, заведующим интендантством. Это же, чорт их знает, через сколько рук пройдет все полагающееся нам, и к каждым рукам все пристает и доходит до нас совершенно скудное и плохое...»[1] — пишет один солдат.

Категорическое заявление о систематическом и организованном обворовывании солдат находим мы в воспоминаниях Пирейко, который утверждает, что воровство не всегда было таким упрощенным, как часто представляли себе рядовые солдаты. Воровали не только фельдфебель и каптенармус. «Этап, который снабжал продовольствием проходящие воинские части и пленных, имел целую воровскую машину. Заведующий хозяйственной частью, не без ведома этапного коменданта, заключал сделки с подрядчиком, с поставщиком продовольствия на такую-то сумму, в то время как в действительности доставлялась другая, более урезанная доза... и так было во всех тыловых снабженческих частях, где поустраивались на службу сынки помещиков и вообще состоятельные люди с протекциями, которые не только не несли никаких убытков от войны, но наживались на ней»[2].

Солдаты были совершенно бессильны бороться с этим злом. Один солдат-артельщик писал в письме, что под страхом избиения ему приходилось выполнять приказание начальника хозяйственной части Корепанова «делать экономию продуктов путем неполной выдачи их». А солдаты благодаря этому голодали. Недаром они несколько раз собирались побить артельщика, и тот спасался только тем, что тотчас же после выдачи продуктов скрывался от них до темноты.

Благодаря фактической безнаказанности начальства, ведающего снабжением, солдат получал пищу в крайне урезанном по сравнению с нормой количестве и самого отвратительного качества. «Пищу дают постную с гнилой рыбой, и такой скверной, что не только нельзя ее кушать, а да-

[1] „Царская армия", Сборник, стр. 44, письмо № 21.

[2] Пирейко, В тылу и на фронте империалистической войны, „Прибой", 1926, стр. 28—29.

же стоять в той кухне, где варится рыба, потому что от гнилой рыбы получается страшная вонь»[1] — читаем мы в письме с юго-западного фронта за апрель 1916 г. «Мясо и рыба вонючие... заявляли ротному командиру, а он говорит: Не подохнете, будете живы, а дома что ели?»[2] — читаем мы в письме другого солдата.

Между тем по мере роста численности армии для продовольствия ее требовалось все больше и больше продуктов. К 1 октября 1914 г. в одной только действующей армии состояло 2 711 253 человека, к 15 мая 1915 г.—3 941 689, к 1 февраля 1916 г.—6 206 743 и к 1 ноября 1916 г.—6 963 503 человека[3].

По данным от 16 декабря 1916 г., суточная потребность фронта в продуктах на январь — февраль 1917 г. составляла:

Муки	720 ваг.	Соли	38 ваг.
Крупы и заменяющих ее припасов	140 »	Сахара	40 »
Жиров	57 »	Овса или ячменя	1 090 »
		Сена или соломы	760 »

К октябрю 1917 г. на нужды армии ежедневно требовалось: 600 тыс. пуд. муки, 125 тыс. пуд. крупы, 125 тыс. пуд. мяса, 50 тыс. пуд. жиров — всего 900 тыс. пуд. продовольственных грузов, кроме того 500 тыс. пуд. овса и 1 500 тыс. пуд. сена, следовательно всего 2 900 тыс. пуд. Для доставки этой суточной нормы требовалось 60 поездов по 50 вагонов каждый[4]. Все это бралось большею частью с крестьянских хозяйств и посредством реквизиций. Ни сельское хозяйство, ни транспорт не справлялись с предъявленными к ним требованиями.

Перебои в снабжении фронта продовольствием были постоянным явлением.

Так в магазины юго-западного фронта с 1 по 23 января 1916 г. должно было поступить и поступило (вагонов):

	Должно было поступить	Фактически поступило
Сала и масла	115	76
Солонины	276	62
Сухарей	138	34
Овощей	92	27
Мясных консервов	46	15
Овса, ячменя	5 700	4 460

[1] ЦВИА, д. № 25—907, л. 85.
[2] Там же, д. № 25—910, л. 115.
[3] «Россия в мировой войне 1914-1918 гг. в цифрах», ЦСУ, М. 1925, стр. 23.
[4] «Разложение армии в 1917 г.», Сборник, стр. 6.

Суточная потребность этого фронта в мясе составляла 29 тыс. пуд. для войскового и 10 тыс. пуд. для тылового района. При частичном отпуске солонины надо было доставлять 14 500 голов скота для войскового и 3 тыс. для тылового района. По данным к началу февраля, такая потребность в мясе могла быть удовлетворена только до 9 марта[1].

Правительство было неспособно наладить бесперебойное снабжение фронта продовольствием. 6 марта 1915 г. военный министр Сухомлинов сообщал Янушкевичу, что совет министров пришел в ужас от того, что в армию надо доставлять 15 тыс. голов скота ежедневно. Выход видели в одном—еще более сократить норму.

Ввиду недостатка мяса и затруднительности подвоза его в 1916 г. выдача была сокращена до половины фунта на фронте и до одной трети в тылу. Вместо 110 тыс. пуд. ежедневный отпуск при сокращении нормы был сведен до 73 тыс. пуд.[2].

Для удовлетворения суточной потребности румынского фронта нужно было ежедневно 423 вагона, между тем единственная железная дорога Бендеры—Рени пропускала не более 200 вагонов. Приходилось перебрасывать провиант в войсковых обозах и транспортами[3].

Стремясь сократить выдачу продуктов, военное ведомство пошло на ряд комбинаций: вместо трех фунтов хлеба выдавалось два с половиной (за полфунта выплачивалось деньгами), вместо восемнадцати золотников сахара—двенадцать золотников (за шесть золотников выдавалось деньгами), вместо постоянной и ежедневной выдачи мяса на фронте ввели сначала один, а затем три рыбных дня (в тылу три рыбных дня были введены еще ранее). Недодавали крупу, жиры, вместо хлеба выдавали одни сухари.

Но все это не меняло дела.

«Вместо того чтобы иметь месячный запас, мы живем ежедневным подвозом. У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение. У нас средства также исчерпаны... Раскладка сокращена так, что дальше итти нежелательно»[4]—заявлял на совещании в ставке 17—18 декабря 1916 г. командующий западным фронтом генерал Эверт. Был случай (в III армии), когда из-за выдачи денег вместо

---

1 Лемке, Двести пятьдесят дней в царской ставке, стр. 494, 535.
2 «Разложение армии в 1917 г.», Сборник докум., № 3, стр. 6.
3 Там же, док. № 4, стр. 7.
4 «Разложение армии в 1917 г.», Сборник док. № 5, стр. 7.

сахара в одном полку вышли беспорядки, окончившиеся расстрелом семи человек.

Чем дальше, тем становилось все хуже. В начале февраля 1917 г. на северном фронте продовольственных запасов было только на два дня, на западном—перешли на консервы и сухари, на юго-западном фронте выдавали только селедки, на румынском фронте положение было еще хуже.

5. Поражения и потери царской армии во время мировой войны

Отсталая в техническом отношении, вынужденная играть подсобную роль в выполнении планов союзного командования, плохо снабжаемая и замуштрованная русская армия несла огромные потери, терпя одно поражение за другим. Неудачи и поражения обрушились на русскую армию с первого же года войны. Едва достигнув кое-каких успехов, армия вынуждена была отступать и отступать, теряя военное имущество, территорию и массу пленных, раненых и убитых.

Всего в России было мобилизовано 15 800 тыс. человек (во Франции 9 млн., в Англии 7 600 тыс. человек); боевые потери России (убитыми, увечными и пленными) составляли 4 467 860 человек, или 28,3% мобилизованных, а санитарные потери ранеными и больными — 4 269 500 человек, или 26,7% всего числа мобилизованных за время войны. Раненые в том числе составили наибольший процент — почти одну пятую часть всего числа мобилизованных, или 2 844 500 человек, не считая раненых, попавших в плен.

Наибольшие потери несла пехота и меньшие кавалерия и артиллерия. На почве более тяжелого окопного быта и больших потерь в пехоте существовала даже известная неприязнь пехотинцев к солдатам других родов оружия. Но это чувство недовольства не могло быть глубоким; конечно дело было не в известной неприязни между солдатами разных видов оружия, а в общей ненависти к правительству и военному командованию, обрекавших армию на поражения и огромные потери убитыми и ранеными.

В общем число раненых во время войны приближалось к 5 млн. человек; среднее число эвакуированных раненых в один месяц составляло: в 1914 г. — 73 674 человека, в 1915 г. — 70 177, в 1916 г. — 82 258 и в 1917 г. (за первые восемь месяцев) — 37 598 человек. За все время войны оно равнялось 67 524 человекам в месяц в среднем.

Данных о случаях смертности среди раненых не имеется. Но едва ли можно сомневаться в том, что по сравнению с армиями противника и союзников этот процент поднимался значительно выше.

Даже легкие ранения благодаря многим неурядицам могли повлечь за собой тяжкие последствия и смертельный исход. Рассказывают, что из-за расстройства и перегруженности транспорта на румынском фронте было приостановлено движение санитарных поездов. Раненых стали отправлять в товарных поездах.

«Смертность была ужасная. Многие при 20-градусных морозах просто замерзали в неотопленных вагонах. Восстановить же санитарные поезда значило прекратить подвоз пищи здоровым. Вопрос был поставлен ребром: «пусть умирают те, кто выбыл из строя» [1].

Один солдат описал в письме картину, которую, по его словам, «до смерти не забыть». Ему пришлось наблюдать раненых, которые были свалены в огромный сарай и оставлены там без всякого ухода, «как никому ненужный старый хлам». Они гнили заживо: «гниль, вонь, грязь, стоны, зубовный скрежет от сильной боли» стояли кругом.

Особенно тяжело приходилось раненым в тех случаях, когда число их достигало больших размеров, как например это имело место во время брусиловского наступления 1916 г. Многие подолгу оставались без перевязок и умирали от гангрены в пути к ближайшим эвакуационным пунктам. Особенно славились скверной постановкой дела румынские госпитали: здесь обычно не бывало ни белья, ни бани, ни достаточного питания. Раненые оставались без перевязок по нескольку дней.

Число эвакуированных больных (более тяжелые случаи) во время войны составило цифру в 1 425 тыс. человек, а всего было зарегистрировано санитарным ведомством 2 300 тыс. случаев заболеваний. В 1914 г. эвакуировано было больных в среднем 16 621 человек в месяц, в 1915 г. — 35 247, в 1916 г. — 52 456 и в 1917 г. — 146 019 человек.

Самое пребывание солдат в лазарете и госпитале обставлялось так, что становилось предметом новых страданий для солдата. Солдат плохо кормили и в интересах показного блеска, а иногда просто из-за бездушного отношения к ним подвергали излишним мучениям. В отдельных случаях дело доходило до того, что больным солдатам не

[1] В. Ю. Ломоносов, Воспоминания о мартовской революции 1917 г. Стокгольм—Берлин 1921 г.

разрешалось ни сесть, ни лечь в постель с 6 часов утра до 9 часов вечера. Экономный «Союз городов» додумался до такой меры: прибывших больных немедленно одевали в чистое белье, но через день-два, когда больные эвакуировались в тыл, их заставляли снова одевать грязное и рваное белье, которое не успевали простирывать. Зато свое всегда сохраняли крепким.

В военных госпиталях в ходу было мордобитие и рукоприкладство врачей: «Кто лежал раз в госпитале передвижном, тот больше не захочет, там обращаются хуже, чем со скотом»[1] — заявляли солдаты. Врачи не признавали внутренних болезней — «подай им раны, а у кого их нет, так и за больного не считают»[2] — писали многие солдаты.

На тысячу человек заболевших выздоровело и вернулось на фронт в 1914—1918 гг. 861 офицер и 811 солдат. Тяжелых заболеваний на тысячу человек было 168; из них выше всего стояли заболевания цынгой (93,2 случая). Процент смертности был следующий: от брюшного тифа — 21,9, от сыпного — 23,8, от холеры — 33,1. Следовательно умирал один из четырех заболевших тифом и один из трех заболевших холерой.

«Здоровые подвергаются страшному риску, мер же к ограждению не принимается никаких. Можешь заболеть и умереть, до этого никому никакого дела нет»[3] — пишет один из солдат запасного батальона.

Огромные цифры заболеваний не должны удивлять никого. Пренебрежение к здоровью солдата доходило до самых крайних пределов: скученность, грязь преследовали солдата с того момента, как только он в тылу попадал в казарму.

«Исключительная скученность, антисанитарное состояние помещений, не удовлетворяющих элементарным требованиям гигиены, а зачастую и плохая постановка продовольственной части представляют собой обычное явление запасных батальонов.

...Плохое состояние запасных батальонов наблюдается не только в глухой провинции, вдали от надзора высшего военного начальства, но даже и в столицах. У меня имеются сведения об исключительно неблагоприятном состоянии запасных батальонов в Москве, где например в течение октября месяца (Спасские казармы) скученность доходила

---

[1] ЦВИА, д. № 25—922, л. 39.
[2] Там же, д. № 25—910, л. 123.
[3] «Царская армия», Сборник, стр. 47, п. № 2.

до того, что нижние чины должны были спать вповалку, в такой тесноте, что не имели возможности удобно отдохнуть от дневных учений. Многие факты из жизни запасных батальонов указывают на малую заботливость, проявляемую в отношении к призванным в войска людям.

Подобное положение, в которое попадают люди, готовящиеся итти на пополнение нашей армии на фронт, не может вырабатывать в них бодрости духа, а вызывает справедливый ропот, а иногда и прямое озлобление, что просто опасно по отношению к тому бодрому настроению, которое должно быть свойственно идущему в бой солдату»[1] — так писал 23 ноября 1915 г. генералу Поливанову председатель Государственной думы Родзянко, встревоженный возможностью подрыва боеспособности фронта.

Солдаты в тылу и в резерве принуждены были спать на голых досках, в лучших случаях на соломе без подушек, и не успевали как следует отдохнуть за ночь, а на ногах они были с 5 часов утра до 10 часов вечера.

На фронте окопы были грязные, сырые. «В окопах тесно и грязно, спим хуже свиней, на голом полу, одежда на мне вся грязная, белье, как у угольщиков, тело грязное, как у свиньи, в бане мы были месяц тому назад» — писали солдаты[2].

Даже минимальной заботы не проявлялось в отношении бойца. На турецком фронте помещениями для солдат служили обычно разбитые сакли без дверей и крыш, в которых совершенно нельзя было заснуть от холода.

«Много я вынес нравственных и физических мук, нравственных от сознания той преступности, которую сознательно делает народу правительство, а физических — от непосильного труда, который несет на себе, как кляча, серый человек... Что помешало русскому правительству построить помещения не как для свиней, а как для людей?» — спрашивал по этому поводу один из солдат[3].

И в то же время солдаты прекрасно знали, как тщательно оборудованы германские окопы.

Во время брусиловского наступления летом 1916 г. солдаты буквально были потрясены, когда увидали, во что превратили немцы территорию Галиции, отобранную ими у русских в 1915 г. Безупречная чистота, электрическое освещение, блиндированные окопы, бойницы из камня в

[1] АОР, Ф. III, оп. 2, д. № 21, л. 6—7.
[2] «Царская армия», Сборник, стр. 41.
[3] Там же, стр., 40.

каждом окопе, полы в окопах, узкоколейка подведена к самым окопам, возле передней линии и далее в тыл цветники, оранжереи, парники, дома с балконами и верандами. В парниках посажены салат, редис, лук, цветная капуста и огурцы. Поля засеяны хлебами и засажены картофелем. Никакого намека на грязь, подобную той, в какой находился в окопах солдат царской армии. Вся территория передовой линии была изрыта глубокими окопами, колодцами, для укрепления окопов — «лисьих нор» с многими выходами — были использованы чугунные балки, бетон, дубовые бревна в несколько рядов и земляные насыпи чуть ли не до трех сажен высотою. Подступы к окопам представляли проволочные заграждения десятками рядов, заряженные сильным током [1].

«Немец укрепил позиции и в окопах сидит, как барин» [2] — пишет солдат.

Отсутствие заботы о солдате вытекало отнюдь не из того, что таким путем сберегались казенные деньги. Деньги на военные нужды лились широкой рекой и расходовались ставкой нецелесообразно. Стоит послушать на этот счет такого свидетеля, как генерал Деникин:

«Характерной чертой ставки, для меня очень тягостной, была легкость обращения с миллионами, безотказно извлекаемыми из военного фонда. Не хищение, отнюдь нет, а именно легкость. Сомнительной пользы предприятия, проведение новых железных и шоссейных дорог, стратегическая необходимость которых была весьма условна, и т. д. Управление путей например было настолько предусмотрительно, что представило мне раз на утверждение заказ в несколько десятков миллионов рублей на возобновление в будущем оборудования... Варшаво-венской железной дороги, находившейся на польской территории, оккупированной немцами... И когда я мучительно изучал вопрос военной целесообразности представленного мне однажды проекта какой-то новой ветки, начальник управления генерал Кисляков, человек большого ума и таланта, положительно недоумевал: «Ведь всего на 8 млн., неужели вам жалко их?» [3].

Так рассказывает Деникин.

Станкевич, офицер инженерных войск, бывший в 1917 г. комиссаром северного фронта, в своих воспоминаниях неоднократно приводит сообщения об устройстве ненужных

[1] ЦВИА, д. № 25—922, стр. 181.
[2] „Царская армия", Сборник, стр. 74, п. № 24.
[3] Деникин. Очерки русской смуты.

для фронта сооружений, о совершенно нелепых, с точки зрения целесообразности, расходах, делаемых без продуманного и согласованного плана. Работы, производимые одними, чуть ли не на другой же день уничтожались другими, не только признавались бесполезными, но даже вредными и опасными с точки зрения защиты и укрепления от врага.

Чрезмерное разбухание штабных штатов, проводимое зачастую в интересах «устройства» определенных лиц, постоянная реорганизация аппарата, перманентное существование разного рода ликвидационных комиссий, многоначалие и благодаря этому почти отсутствие фактической ответственности, оперирование заведомо неверными цифрами в целях их преуменьшения и сокрытия от учета — все это, по словам Деникина, создавало в армии грандиозную ложь и приводило к просчетам на миллионы.

За все это расплачивался солдат своею кровью и жизнью.

Таково было положение солдата царской армии, таково было боевое руководство, какое имела армия во время империалистической войны, явившейся величайшим испытанием для всех стран, принимавших в ней участие. Не удивительно, что процесс революционного недовольства и брожения очень скоро захватил царскую армию, представлявшую во время войны несомненно наиболее активную и жизнеспособную часть народа, имевшего за собою богатый событиями опыт первой русской революции и предвоенного подъема. Несмотря на все попытки оторвать солдатскую массу от народа, противопоставить армию народу — рабочим и крестьянам — как благонадежный, вполне послушный воле командующих классов организм, солдатская масса жила одними помыслами и стремлениями с народными массами тыла.

II. ВОЕННАЯ РАБОТА БОЛЬШЕВИКОВ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Положение масс в тылу и нарастание революционной борьбы пролетариата в 1914—1917 гг.

Зверский режим, политическое бесправие, голодание, недостаток оружия и снарядов, хищническое использование людской силы и поражения — все это сыграло огромную роль в революционизировании царской армии.

Не менее серьезно на настроение фронта влияли события в тылу и положение широких масс города и деревни. Выше мы уже коснулись вопроса о затруднениях в снабжении армии. Теперь остановимся на продовольственном положении в тылу.

В начале войны правительственные круги рассчитывали, что Россия, при обилии запасов сырья и продовольствия и при отсутствии вывоза за границу, более других способна избежать голода и дороговизны, но мы уже к маю 1915 г. видим резкое повышение рыночной стоимости хлеба по сравнению с средней его стоимостью в 1913—1914 гг.

Вздорожание с.-х. продуктов вело к большому обогащению спекулянтов, помещиков и кулаков, не давая никаких выгод общей крестьянской массе и даже больно ударяя по крестьянским хозяйствам, шедшим к полной пауперизации. В особенности же это вздорожание било по городу.

В 1916 г. армия поглощала около 40—50% всего хлеба, поступавшего в продажу. Поглощение армией громадных количеств хлеба должно было повести к сокращению потребления городского населения. Несмотря на значительные запасы в первые годы войны, осенью и зимой 1916 г. был уже налицо хлебный кризис (хотя урожай 1916 г. достигал 3 768 млн. пуд. и безусловно не был плохим).

Развал хозяйства, тяжело отражавшийся на материаль-

ном положении масс в тылу, сочетался еще с усилением эксплоатации и репрессий в отношении рабочего класса. Рабочие находились под усиленным полицейским надзором, они были лишены какой бы то ни было возможности протеста против алчности предпринимателей, завинчивавших доотказа пресс эксплоатации. Все это не могло не создать в России объективных предпосылок нового революционного подъема.

Рост дороговизны, усиленная эксплоатация, каторжный режим на предприятиях, уничтожение рабочих организаций и жесточайшие преследования за малейшее проявление недовольства вызывают мощный отпор со стороны пролетариата. На попытки переложить на плечи трудящихся всю тяжесть войны, усилить гнет и бесправие масс, на известия о поражениях на фронте пролетариат отвечает упорной и настойчивой революционной борьбой — широким экономическим и политическим стачечным движением, демонстрациями и требованиями свержения самодержавия.

В 1914 г. имели место 3 534 забастовки с 1 334 458 бастовавшими рабочими и 5 755 072 потерянными днями (причем 72,6% всего числа забастовок носили политический характер); в 1915 г. число забастовок составляло цифру 928 с количеством 538 828 бастовавших и 1 863 392 потерянными днями (из них только 22,1% было забастовок политического характера). В 1916 г. было уже 1 410 забастовок с 1 086 364 бастовавшими рабочими и с числом потерянных дней, выражавшимся цифрой в 4 769 718.

Движение нарастало и ширилось, поднимаясь на новую ступень.

Письма из тыла с сообщениями о бедственном положении семейств мобилизованных солдат, о продовольственных волнениях и стачках в тылу и поездки фронтовых солдат в отпуск оказывали на армию глубокое революционизирующее влияние. Такое же влияние оказывало пребывание призванных в армию в тыловых рабочих центрах, где неизбежно происходило известное сближение между солдатами-крестьянами и рабочим населением. В обстановке тяжелых поражений активные действия пролетариата в тылу становились лучшей формой агитации и наиболее убедительным примером для многомиллионной массы солдат, недовольных затягивавшейся войной. В армии начинает складываться сочувственное отношение к борьбе пролетариата в тылу, и с каждым днем все более ярко выявляется нарастание революционного протеста и брожения.

2. Тактика и лозунги партии во время мировой войны

Объективные предпосылки разложения армии и нарастания общего революционного брожения сыграли большую роль, но решающим фактором явилась последовательно революционная тактика партии рабочего класса. Благодаря настойчивой и упорной работе ее по претворению в жизнь лозунга о превращении войны империалистической в гражданскую она привела пролетариат сначала к февральской, а затем и к октябрьской победе.

В обстановке жесточайших преследований партия сумела сплотить массы на борьбу и вооружить их готовностью драться до конца.

Уже в манифесте ЦК 1914 г. мы находим в развернутом виде основные лозунги партии во время империалистической войны. Эти лозунги получают дальнейшее развитие и углубление в ее последующей деятельности. Большевистская фракция РСДРП в Государственной думе отказывается вотировать кредиты и для еще более энергичного выражения своего протеста во время голосования за них покидает зал заседаний. Партия настойчиво доказывает, что обязанность социалистов (раз война разразилась) состоит в том, чтобы выступить в роли организаторов и революционных пропагандистов гражданской войны, свержения царизма и вслед за тем осуществления социалистического переворота. Взамен уничтоженной легальной печати, союзов и т. п. партия усиливает нелегальные формы своей революционной работы.

На совещании думской большевистской фракции с представителями крупнейших партийных организаций Иваново-Вознесенска, Риги, Харькова и Петрограда, состоявшемся 3—4 ноября 1914 г. в Озерках (окраина Петрограда), были обсуждены тезисы Ленина об отношении к войне. Тезисы ставили вопрос об империалистическом характере войны, о крахе II Интернационала, о пораженчестве, об организации подпольных ячеек, о превращении войны империалистической в гражданскую, о работе в армии. На этом совещании большинство присоединялось к позиции Ленина за исключением Л. Б. Каменева, заявившего на совещании о неприемлемости лозунга пораженчества. Это совещание было арестовано в полном составе. Во время следствия и суда над большевистской фракцией Муранов, Петровский и другие большевики защищали ленинскую позицию по отношению к войне, Л. Б. Каменев трусливо отгородился от этой

линии заявлением о том, что его взгляд на текущий момент решительно противоречит документам, в которых изложено отношение партии к войне. Ленин резко осудил штрейкбрехерское поведение Л. Б. Каменева. По поводу этого Ленин пишет: «стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом г. Иорданским, как делал тов. Розенфельд, или свое несогласие с ЦК есть прием неправильный и с точки зрения революционного социал-демократа недопустимый»[1]. Процесс над большевистской фракцией Государственной думы имел очень большое значение. Этот суд «впервые дал открытый, в миллионном числе экземпляров распространенный по России, материал по важнейшему вопросу об отношении к войне разных классов российского общества»[2].

Лозунги партии не только определили общую линию поведения масс тыла и фронта во время войны, но они дали прямые указания о самом характере и существе революционной практики.

Широко пропагандируя лозунг превращения войны империалистической в гражданскую, партия призывала пролетариат твердо стоять на позициях интернационализма и вести классовую борьбу.

Пораженчество и лозунг братания должны были составить конкретное содержание борьбы солдат против войны и за революцию.

«Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству»[3]. Ленин доказывал, что задачей социалистов всех воюющих стран является борьба за превращение империалистской войны в гражданскую. Против этого лозунга яростно выступали не только явные социал-патриоты, но и центристы, которых в России возглавлял Троцкий. Сущность позиций Троцкого сводилась, по словам Ленина, к тому, чтобы «охранять от поражений данные империалистические правительства»[4].

Партия разоблачила истинную сущность предательского лозунга Троцкого «ни побед, ни поражений» как отказа от революционной борьбы. Партия указывала, что центристские лозунги дезориентируют массы, что своей кажущейся левизной эти лозунги отвлекают массы от революционной борьбы, которая одна только способна покончить с империалистическою войной.

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 129.
[2] Там же, стр. 131—132.
[3] Там же, стр. 169.
[4] Там же стр. 172

Большевизм в годы войны отстаивал свои позиции не только в борьбе против открытого оппортунизма и центризма, но и в борьбе против германских левых, опутанных гнусной сетью каутскианского лицемерия, боящихся договаривать до конца революционные лозунги.

Большевики были единственной партией, которая в годы войны выдвинула лозунг о превращении империалистической войны в гражданскую и со всей остротой поставила вопрос о создании нового Интернационала.

Братание должно стать одной из форм противопоставления воли масс воле командующих классов и отправным пунктом перехода их на путь гражданской войны, свержения самодержавия и борьбы за установление диктатуры пролетариата.

Позднее, в дни Февральской революции, партия еще более усиленно проводила работу в солдатских массах по самой широкой пропаганде лозунга братания. В это же время против лозунга братания выступил Л. Б. Каменев, который призывал солдат на немецкие пули отвечать пулями, на снаряд снарядом.

Со всей резкостью партия дала отпор Каменеву, разоблачив его оппортунистические позиции.

3. Революционная роль в армии солдат — бывших рабочих

Есть авторы, которые полагают, что работа большевистской партии в очень слабой степени затрагивала фронт и вообще не оказывала значительного влияния на широкую массу солдат. Все в армии сводилось якобы к нарастанию одного стихийного протеста против войны. Это совсем не так. В состав армии входили тысячи рабочих, как бы вкрапленных в огромную толщу многомиллионных солдатских масс. Отправляя в армию пролетариев, среди которых было немало большевиков и тех, которые прошли школу революционной борьбы, правительство рассчитывало обескровить и обезглавить рабочее движение, по крайней мере на время войны. Но, посылая самых активных своих врагов в армию, оно просчиталось.

Большевистским влиянием и влиянием рабочих-солдат можно объяснить тот факт, что солдатская, в основном крестьянская, масса не растратила накопившуюся в ней революционную энергию в форме всякого рода мелких стихийных выступлений, а организованно подошла к решительной борьбе с царизмом и под руководством революционного про-

летариата, под его гегемонией, сумела проявить известную выдержку и твердость и сыграть активную роль в Февральской революции.

Мы должны указать на роль той части рабочего класса, которая, находясь в армии в годы войны, проделала к сожалению не поддающуюся точному учету, но имеющую исключительное значение революционную работу внутри многомиллионной крестьянской армии.

Два революционных поколения встретились в армии: пролетарии, которые участвовали в борьбе в годы революции, и пролетарии-«правдисты» (читатели «Правды»), воспитанные предвоенным подъемом. Как правило, рабочие, находившиеся в армии, не были оборонцами. «Оборонцев-солдат из пролетариев в армии не было и быть не могло»[1] — заявляет бывший солдат Пирейко.

Даже оторванные от партии рабочие-солдаты иногда самыми окольными путями узнавали правду о подлинной позиции партии в вопросе о войне, поддерживали и воспринимали ее тактику. Уже осенью 1914 г. вышли тезисы Ленина о войне, в которых партия вскрыла истинную сущность империалистической войны и причины краха II Интернационала. Позиция партии, став известной революционно настроенному рабочему-солдату, укрепляла его в отрицательном отношении к войне и помогала нащупать правильный путь борьбы против нее. Солдат, становившийся на большевистские рельсы, играл исключительно важную роль проводника ленинских взглядов в широкую солдатскую массу. Особенно видной и заметной была его роль во время массовых передвижек и поражений русской армии, сопровождавшихся отступлениями.

«При отступлении армии условия для агитации против войны всегда были благоприятны, во-первых, потому, что при отступлении офицеры вешают нос, режим слабеет и уважение к офицерскому мундиру отходит на задний план, и, во-вторых, потому, что само отступление и разложение как его следствие невольно шевелят солдатские мозги и заставляют искать выхода из создавшегося положения. В такое время один партийный агитатор в армии ценнее для партии целого партийного комитета в тылу»[2] — рассказывает Пирейко. Как известно, поражений во время войны было более чем достаточно.

---

[1] Пирейко, В тылу и на фронте империалистической войны, стр. 41.
[2] Там же, стр. 24.

При той связи, какая существует между развитием рабочего движения и движением в армии, между тылом и фронтом, наряду с огромной ролью партийного комитета в тылу, исключительно большую роль проводников партийного влияния на фронте играли рабочие-большевики.

Опираясь на тонкий сравнительно слой рабочих-участников 1905 г. и рабочих-«правдистов», в той или иной мере захваченных большевистским влиянием, партия смогла развернуть значительную работу в армии. Большевики среди солдат, бывших рабочих, встречали не только сочувствие, но и горячую активную поддержку в революционной антивоенной работе. Использование опыта первой революции сказалось прежде всего в том, что вскоре после начала войны были восстановлены военные организации и развернута деятельность партии среди солдатских масс.

Как и прежде, в центре внимания стояла основная проблема революции и разъяснения места и роли в ней вооруженного солдата.

Работа в армии представляла в это время огромные трудности. Ее нужно было проводить в обстановке жесточайших преследований и репрессий. Кроме того, как мы видели, война крайне усложнила основное направление и содержание лозунгов партии применительно к армии. Надо было развернуть агитацию и пропаганду не только в значительно большей в количественном отношении армии, но в совершенно новом по своему содержанию направлении. Если раньше шла речь о том, что солдат не должен итти против народа, а переходить на сторону революции, то теперь содержание лозунгов было значительно усложнено.

От братания с народом внутри своей собственной страны солдат должен был подняться до признания и понимания необходимости принять участие в осуществлении лозунга братания с противником на внешнем фронте, с таким же, как и он, трудящимся. Вместо навязываемого ему шовинистами стремления к разгрому противника солдат так или иначе должен был стать на путь пораженчества и открытого участия в содействии ему. От стихийной и все более непреодолимо охватывающей армию тяги к миру солдат должен был подойти к признанию новой войны—войны гражданской, войны против своего собственного правительства. В результате работы большевистской партии, сумевшей взять в свои руки революционное руководство объективным процессом внутреннего разложения царской армии, эта задача была осуществлена полностью; свидетельством

этому является весь последующий ход событий. Поэтому не удивительно, что Ленин так беспощадно боролся против пацифистских проповедей всякого рода мелкобуржуазных вождей, испугавшихся крови, слез и страданий. Поэтому так настойчиво требовал он от пролетариев умения использовать пребывание в армии в целях подготовки осуществления лозунга о превращении империалистической войны в гражданскую. Недаром Коминтерн в своих решениях об отношении к империалистической войне требует сейчас обязательного участия пролетариев в армии и развертывания там революционной работы в том плане, в каком она проводилась в царской армии в годы империалистической войны.

4. Военная работа большевиков в годы мировой войны

Особая военная организация была воссоздана в Петрограде при Петроградском комитете РСДРП(б). Ею велась работа среди солдат петроградского гарнизона и поддерживались связи с другими городами и флотом. Кроме того большевиками велась работа среди солдат в Москве, Харькове, Киеве, Екатеринославе, Саратове, Самаре, Царицыне, Нижнем-Новгороде, Екатеринбурге, Твери, Смоленске и в некоторых городах на Кавказе и в Сибири.

Уже к весне 1915 г. военной организацией в Петрограде были установлены связи с рядом полков гарнизона, а также с моряками и артиллеристами Балтфлота. Осенью 1915 г. в Балтийском флоте почти на каждом корабле действовали социал-демократические коллективы, входившие в состав объединенного руководящего коллектива. Несмотря на разгром организации после выступления матросов на «Гангуте», организация возродилась снова. Суд над членами военной организации среди моряков вызвал выступление петроградского пролетариата. 26 октября 1916 г. по поводу суда над матросами была объявлена забастовка, и вскоре выпущена прокламация. Связь с сухопутными частями поддерживалась через С. Г. Рошаля, служившего солдатом в 3-м пехотном запасном батальоне. Через него листовки направлялись в другие воинские части гарнизона. Так например от Рошаля были получены листовки для распространения в 181-м пехотном запасном полку. Попытки вести работу среди солдат предпринимались отдельными районными комитетами. Уже в феврале 1915 г. через автомобилистов, расположенных на Семеновском плацу, литература

среди солдат распространялась городским районным комитетом большевиков; часть этой литературы направлялась на фронт. 9 января 1916 г. этим комитетом был выпущен специальный листок к солдатам и матросам. Подобная листовка была выпущена и летом 1916 г. Обе эти листовки распространялись среди солдат местного гарнизона, среди матросов Балтфлота и были направлены в иногородние организации и на ближайшие фронты.

Особенностью работы было то, что ее старались вести все большевики-рабочие, используя связи, устанавливаемые с казармой. В агентурной записке охранки от 11 июня 1915 г. сообщается об организации заводских коллективов за Невской заставой, ставящих свой задачей между прочим «работать в войсках и во флоте».

В Сибири среди солдат Томского, Новониколаевского, Красноярского и других гарнизонов вел работу Военно-социалистический союз, образовавшийся среди ссыльно-поселенцев г. Нарыма в октябре 1916 г.

В Смоленске военная организация возникла в августе—сентябре 1916 г. В Смоленске был расположен ряд специальных частей и мастерских, обслуживающих западный фронт. Среди солдат этих частей было много заводских рабочих.

В Москве активную антивоенную работу вела тверская группа РСДРП(б), распространявшая листовки среди солдат и рабочих в десятках тысяч экземпляров.

Ввиду почти полной невозможности организовывать широкие собрания чаще всего прибегали к печатному слову.

С самых первых дней войны в листовках четко и определенно был поставлен вопрос и об отношении к войне и о борьбе с самодержавием.

«Снова вас оторвали от ваших семей, дали в руки ружье, одели в серую шинель, послали защищать престол-отечество от врагов» — читаем мы в листовке Петроградского комитета большевиков, выпущенной в начале октября 1914 г.

«Кто же этот враг, который угрожает русскому народу и против которого вы должны драться?

Вам говорят, что это немцы. Они, дескать, напали на нашу страну и угрожают поработить нас и ограбить.

Поработить! Но разве мы свободны? Разве над нами не тяготеет полицейский кулак? Разве над нашими головами не свищет полицейская нагайка? Разве царские слуги не бросают нас в тюрьмы, а царские войска не расстреливают нас,

как собак, когда мы хотим поднять голову и бороться за лучшую долю для себя, для наших жен и детей?.. Братья рабочие, вы знаете, что это делает царь Николай Романов со своими помещиками, полицейскими и казаками»[1].

Действительные враги рабочих, и враги непримиримые и беспощадные, — это царь, помещики, фабриканты и полиция.

Каковы же цели войны и кто в ней заинтересован?

В войне заинтересованы помещики, стремящиеся расширить районы эксплоатации крестьянства, и капиталисты, ничем не стесняющиеся в безудержной погоне за наживой и в целях приобретения новых рынков для сбыта своих товаров.

«Пусть же русский народ, русские солдаты поймут, в интересах кого ведется война, ради чьих интересов льются потоки народной крови. Пусть они знают, что сражаются не за родину, не за свои семьи, а ради благосостояния кучки богачей, помещиков и их слуг — правительства, ради увеличения их капиталов»[2] — читаем мы в листовке Харьковского комитета, датированной 27 ноября 1914 г.

Лозунги «долой войну» и «долой самодержавие» все время выступают в сочетании с призывом использовать оружие, полученное от правительства, для свержения этого правительства.

«Неужели мы забудем, что в интересах русского народа мы должны прежде всего низвергнуть то (это.—*О. Ч.*) преступное правительство и завоевать для России полную политическую свободу, а для всех трудящихся свободу экономическую? Нет, если уже нужно умирать, то умрем за народное дело, а не за дело Романовых и черносотенных дворян. Они дают нам в руки ружья. Будем же людьми и воспользуемся этим оружием для того, чтобы завоевать русскому рабочему классу новые условия жизни, жизни прекрасной и свободной... И когда наше преступное правительство наконец захлебнется в пролитой им крови, когда вспыхнет революция, помните, братья-солдаты, что ваше место не против нас, а рядом с нами. Придите тогда подкрепить наши ряды, и общими силами грянем на врагов народа и завоюем для всего русского народа новую жизнь»[3] — читаем мы в уже цитированной выше листовке Петроградского комитета, выпущенной в начале октября 1914 г.

---

[1] «Памятники агитационной литературы РСДРП», т. VI (1914—1917 гг.), Период войны, вып. 1, „Прокламации 1914 г.», № 49, стр. 96—97.

[2] Там же, № 147, стр. 242.

[3] Там же, № 49, стр. 98.

В листовке, выпущенной комитетом тверской группы РСДРП(б) (Москва) в августе 1915 г., мы находим строки о том, что если, подчиняясь силе, придется взять в руки оружие, то все же надо помнить, что в неприятельских окопах находятся братья-пролетарии, также насильно взятые и живущие одной мыслью — повернуть оружие в обратную сторону и превратить империалистическую войну в гражданскую.

Распространенная Петербургским комитетом РСДРП(б) в начале августа 1914 г. листовка говорила о том, что правительство Николая Кровавого — последнее самодержавное правительство и Николай Кровавый — последний русский царь. Свержение самодержавия рассматривалось как этап в общей борьбе пролетариата против капитализма. Листовка доказывала, что надвигаются «мировые события», что за наступающими потрясениями и политическими переворотами «стоит уже призрак социальной революции». Это—конечная цель пролетариата всех стран. Но русскому рабочему классу до этого необходимо еще сделать героическое усилие — без остатка смести самодержавный строй.

Работа велась главным образом среди запасных частей отдельных гарнизонов. Были попытки вести ее и на фронте. Через одиночек-рабочих листовки попадали к солдатам фронта. Об этом говорят в своих воспоминаниях большевики, работавшие в это время на западном и других фронтах.

Так П. Ф. Федотов (Двинец), позднее активный участник октябрьских событий в Москве, рассказывает, что, находясь на фронте в 479-м полку, он держал связь с Петроградом через своего товарища Горелова, слесаря завода «Новый Лесснер», и постоянно получал прокламации и заграничные газеты.

В 479-м полку 120-й дивизии, находившейся сначала на рижском, а потом на двинском фронте, «всегда можно было достать новейшие прокламации, заграничную большевистскую газету «Социал-демократ» и нелегальные брошюры» [1].

В полку была небольшая группа солдат, которые поддерживали связь с рижской организацией большевиков, а также с солдатами соседних дивизий и 24-м авиационным отрядом. Характерно, что при содействии бывшего рабочего (деревообделочника) завода «Дукс» в Москве Петра Стригачева листовки в других воинских частях распространялись посредством сбрасывания их с аэропланов.

[1] П. Ф. Федотов, (Двинец), Двинцы в пролетарской революции «Московский рабочий», М.—Л. 1927, стр. 7.

Особенно много листовок в 479-м полку и в соседних воинских частях было распространено после возвращения Федотова из 20-дневного отпуска, проведенного в Москве. Ему удалось в феврале—марте 1916 г. провезти на фронт два небольших чемодана прокламаций. Тогда листовками был снабжен не только 479-й полк и вся 120-я дивизия, но еще и 11, 13, 53-я дивизии и солдаты-артиллеристы. Есть сведения о революционной работе на фронте бывшего рабочего-большевика А. С. Ракова, находившегося сначала на западном, а потом на северном фронте и в Финляндии (в Выборге). Раков вел агитацию против наступления и распространял большевистские прокламации.

Вырабатывались особые методы и приемы распространения листовок. Чаще всего клали листовки в пустые папиросные коробки и оставляли их в тех окопах, которые должны были быть заняты другими солдатами. Иногда оставляли листовки в лесу, вблизи расположения воинских частей фронта.

Особенно удавалось развернуть работу там, где была возможность в своей агитации опереться на рабочие кадры из среды самих солдат. В частности довольно широко была поставлена она во флоте, где, как известно, большой процент составляли рабочие.

Большевики с значительным успехом вели революционную агитацию и пропаганду в Кронштадте, Гельсингфорсе, Свеаборге, форте Ино и других местах. В октябре 1915 г. на линейном корабле «Гангут» на почве недовольства войной, жестокой дисциплиной и ухудшением пищи назревало восстание матросов. Наряду с «Гангутом» усиленное брожение началось и на других кораблях. Но общее выступление не состоялось. Аресты коснулись не только команды «Гангута», но и связанных с матросами большевистских организаций. Но это не остановило большевистской работы во флоте: устанавливались новые связи, распространялась литература и велась пропаганда.

В районе северного фронта революционную пропаганду среди солдат особенно интенсивно вели латышские социал-демократические организации. Латышские социал-демократы с самого начала войны заняли принципиально правильную, интернационалистскую позицию и развернули активную работу против войны и самодержавия. Рижским комитетом и ЦК социал-демократов Латышского края листовки к солдатам, направленные против войны, распространялись целыми десятками тысяч. В листовках наряду с разъ-

яснениями целей и характера войны и политики самодержавия содержались призывы следить за событиями и организовать тайные ротные, полковые и иные комитеты и вести агитацию против войны и правительства среди несознательных товарищей. Такой призыв содержался в листовке «Всем новобранцам», выпущенной в мае 1915 г. ЦК социал-демократии Латышского края на русском и латышском языках.

Даже там, где не существовало особых военных организаций, большевики устанавливали связи с одиночками-солдатами, бывшими рабочими, распространяли среди них листовки и давали устные разъяснения по поводу тактики во время войны.

Результаты революционной работы партии выявились скоро, скрепы, державшие армию, оказались непрочными. По мере нарастания военного краха и углубления политического кризиса процесс разложения армии углублялся и расширялся, росли активность и революционная решимость солдат.

III. ПОРАЖЕНИЯ НА ФРОНТЕ В 1914—1915 гг. ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ РАЗЛОЖЕНИЯ ЦАРСКОЙ АРМИИ

1. Настроение армии в начале войны

Как же шло нарастание военного краха и политического кризиса в стране и армии в 1914—1917 гг.?

В первый период войны после мобилизации вооруженные массы рабочих и крестьян двинулись на фронт, частично находясь под влиянием шовинистической агитации. Шовинистическому угару поддалась также наиболее тесно связанная с мелкобуржуазными слоями верхушечная, привилегированная часть рабочих. Часть пролетариев была увлечена обманными словами о защите и обороне отечества, подвергшегося «нападению» со стороны «кровожадного хищника»— Германии. На фронт, в грязные и сырые окопы покорно пошли тысячи и тысячи рабочих и крестьян.

Все расчеты строились на том, что противник будет сломлен быстро и что война кончится через три-четыре месяца. Вслед за патриотической печатью и начальством солдаты-крестьяне повторяли: «Мы защищаем царя и отечество и стремимся во что бы то ни стало покончить с нашим злоумышленным врагом, который думал завладеть нами... Мы ни в коем случае не думаем покориться ему, а покончить с ним навсегда, чтобы он знал, что значит русский штык четырехгранный» [1] — читаем мы в одном из писем 1914 г.

«Стремлюсь, как каждый воин, к скорейшей победе над врагом нашей родины, и только тогда возвратимся, когда победим» — читаем в другом письме [2].

Восприняв войну как «несчастье», как народное бедствие, солдаты-крестьяне в 1914 г. в массе были далеки еще от то-

[1] «Царская арми», Сборник, стр. 17.
[2] Там же, стр. 18.

го, чтобы понять ее подлинный классовый смысл, ее причины и цели. У них оставалось еще убеждение в том, что пребывание на фронте является неизбежным для солдата и что мир будет заключен только после победы.

Однако уже первые бои показали, что сломить противника нелегко и что русская армия обречена на тяжелые поражения и неудачи.

2. Ход боевых операций на фронте в 1914—1915 гг.

Русская армия с самого начала войны вынуждена была вести наступательные операции на двух фронтах, причем на германском в необычайно трудных условиях озерного района. В силу принятых на себя Россией обязательств командование в 1914 г. в разгар наступательных операций на австрийском фронте перебросило в Восточную Пруссию I армию Ренненкампфа и II — генерала Самсонова, причем только для одной последней было выделено с австрийского фронта целых семь корпусов и три кавалерийских дивизии.

Расчеты строились на том, что русская армия отвлечет на себя силы противника, сорвет его попытку решительно и быстро разгромить Францию и тем самым приблизит общую победу союзников.

Вначале в боях, предпринятых на юго-западном фронте, русские одержали ряд побед над австрийскими войсками. 2 сентября русскими войсками был взят Галич, 3-го был занят Львов, с 11 сентября вообще началось стремительное отступление австрийцев, и русские захватили значительную территорию. Но на германском фронте уже в начале войны Россия потерпела значительные поражения.

В то самое время как англо-бельгийско-французская армия, разбитая при Шарлеруа и представлявшая собой прекрасно вооруженные силы, отступала к Марне, русская армия начала развивать свои операции. Немцы в самый разгар наступления на Париж сняли свыше двух корпусов для переброски на восток. Это спасение Парижа было куплено Россией дорогой ценой. В боях 26—30 августа решительное поражение потерпела армия Самсонова, 13 сентября фактически было покончено с армией Ренненкампфа. Лучшая русская армия, численность которой по данным 3—16 августа 1914 г. штаба армии определялась в 347 тыс. человек, была совершенно уничтожена. Потеря для России одной трети всех сил, находившихся тогда на фронте, включавшей в себя гвардейский корпус и вообще лучше вооруженные

части царизма, потери, понесенные артиллерией, обозами, конским составом и т. п.,—все это вместе взятое не могло не остаться без влияния на дальнейший ход операций.

С первых дней войны сказались и техническое превосходство и лучшая подготовленность противника. По словам самих немецких генералов, впервые сведения о скоплении и передвижении русской армии генерала Ренненкампфа и Наревской армии в Пруссию были доставлены в штаб VIII германской армии авиационным отрядом. Таким же путем были доставлены сведения о прорыве в тыл противника 28 августа 1914 г. и о том, что у русских нет никаких новых войск, которые могли бы воспрепятствовать обходу немецких сил, направленных в тыл русских в районе Вилленберга.

Таким же путем во-время были сообщены сведения о переброске русских войск, спешивших на выручку силам, попавшим в «мешок» у Танненберга.

Свечин утверждает, что «непродуманное употребление» радиотелеграфа в 1914 г. русскими штабами обратило этот радиотелеграф в опаснейшего шпиона, который заблаговременно сообщал немцам «все боевые приказы». Об атаках армии Самсонова немцам было известно заранее, и потому они особенно удачно могли парировать эти атаки.

Попытка русских войск изменить положение в свою пользу привела к упорным боям на Висле и к отступлению немцев в Познани и Силезии. Русское командование предполагало развернуть вторжение внутрь Германии, но, прежде чем это наступление было начато, инициатива перешла к немцам: упорными битвами на лодзинском фронте, грозившими прорывом немецкого фронта и полным разгромом Австрии, русская армия заставила Германию прервать битву на Изере, отказаться на полтора года от наступательных действий во Франции и повернуться против России главными силами. 22 ноября наступление немецких войск достигло высшей точки, и 6 декабря русскими войсками была оставлена Лодзь. Таким образом ценой огромных жертв царская армия оттянула силы противника и спасла Францию от разгрома. В одном ноябре 1914 г. германцами были переброшены на русский фронт кавалерийский корпус и семь корпусов пехотных войск. С этого времени в течение всего 1915 г. русский фронт становится ареной активных боевых операций, а на западном наступает некоторое затишье. Союзники получили возможность дать отдых войскам и накопить запасы вооружения для дальнейших боевых действий. Русские же войска, понеся огромные потери и испытывая ог-

ромный недостаток вооружения и снарядов, продолжают развертывать боевые операции.

Предпринятые русскими на юго-западном фронте активные действия не только встретили упорное сопротивление немцев, но новую попытку наступления с их стороны. В новом контрнаступлении русские войска имели только отдельные успехи. 22 марта пал Перемышль, в течение марта и апреля велось наступление в глубь Карпат. Но уже с 1 мая 1915 г. началось отступление царской армии, затянувшееся до самой глубокой осени. 4 мая с ураганным огнем, на который русская артиллерия, не имевшая снарядов, была бессильна отвечать, армия генерала Макензена прорвала русский фронт на Карпатах. Германское наступление, постепенно развиваясь, охватило весь громадный фронт от Балтийского моря до границы Румынии. 25 апреля — 8 мая была взята Либава, что создало прямую угрозу Риге, а тем самым и всей Прибалтике. В боях 24 мая — 2 июня немцами был взят Перемышль, 22 июня русские потеряли Львов, 4 августа русские очистили Ивангород и Владимир-Волынский, в ночь на 5 августа была оставлена Варшава, 16 августа — Ковно, 19 августа сдался Новогеоргиевск (где одними пленными было потеряно до 80 тыс. человек), 22 августа—Оссовец, 26 августа—Брест-Литовск, Олита и наконец 2 сентября—Гродно. 26 июля — 8 августа германский флот вошел в Рижский залив. Русские войска, не имея снарядов и патронов, отступали в панике. Положение царской армии становилось критическим. Потеря людьми и потеря территории были колоссальны. На юго-западном фронте только за четыре месяца русские потеряли до полумиллиона человек.

3. Влияние поражений на армию

Поражения и потери 1915 г. произвели самое тяжелое впечатление на страну и армию. Потрясенные солдаты писали в это время о том, что «много пропало нашей братии», что убитых валят, как дрова, что из несчастной пехоты не успевают формироваться полки и что русские все отступают и отступают без конца.

«У нас на фронте дела незавидны, мы находимся в 30 верстах от Холма, чуть не каждый день отступаем, при отступлении много потерь и урону»[1] — пишет солдат в письме от 26 июня 1915 г.

---

[1] ЦВИА д. № 25—899, л. 11.

Поражения заставили солдат задуматься и уяснить себе положение. «Кто же виноват в наших неуспехах, кто сделал тысячи людей несчастными, детей сиротами? Во всяком случае не сами солдаты виновны во всем»[1] — пишет один из них в 1915 г.

«Бьемся здорово... Гремит все так, что земля дрожит, но конца не видно. Люблин отдали... Дела наши плохи, потому что столбы гнилые»[2] — читаем мы в письме другого солдата от 6 августа 1915 г.

Цензоры, читая в солдатских письмах сообщения о потерях, становились втупик и начинали наводить о них справки и устанавливать их действительные размеры. Расчеты, как видно, строились на том, чтобы привлекать солдат не только вообще за распространение, но якобы за злостное и ложное распространение сведений о потерях на фронте. Но что же оказывалось на деле? Когда начальство попыталось проверить сообщение солдата о больших потерях в 226-м пехотном Грязовецком полку, то выяснилось, что в начале боев 19—26 августа 1915 г. полк имел 2 389 человек; из этого числа во время боев было убито и похоронено 372 человека, ранено и вывезено в лечебные заведения 957, на поле сражения оставалось убитыми, ранеными и без вести пропавшими 395 солдат. На 27 августа в полку оказалось только 665 солдат, а общие потери составили 1 724 человека. Короче говоря, за 8 дней боев полк потерял до 72% своего состава[3].

Под влиянием поражений 1914—1915 гг. солдаты делают два основных вывода: с врагом справиться нелегко; при порядках, царящих внутри страны и на фронте, Россия вообще не может рассчитывать на победу. Да нужна ли эта победа?

На фронте быстро изживаются остатки каких бы то ни было патриотических воззрений и взглядов.

«Того подъема, что был в войсках раньше, нет»[4] — читаем мы в письмах одного солдата за июль 1915 г. «Сначала был аппетит защищать родину, но теперь хоть чорт бы ее взял с ее защитой»[5] — заявляет другой под влиянием отступления русских частей и потери ими только на одном участке фронта 25 тыс. человек.

Особенно удручающе действовало на психику бойцов

---

[1] ЦВИА, д. № 25—899, л. 8.
[2] Там же, д. № 94—056, л. 69.
[3] Там же, д. № 25—899, л. 348.
[4] Там же, д. № 25—899, л. 56.
[5] «Царская Россия», Сборник, стр. 24., п. № 3.

отсутствие снарядов и появление на фронте безоружных солдат. «Мы поставлены в такое положение, что немцы нас расстреливают из своих дальнобойных орудий, а мы принуждены молчать. Наши пушки не могут взять желательной дистанции, а их легкая артиллерия берет под прикрытием тяжелых пушек. О таких потерях, которые мы несем, никто никогда не думал... Справедливо говорят немцы: «Русские воюют с богом, а мы с дальнобойными орудиями» [1] — читаем мы в одном из солдатских писем.

Солдаты в тревоге, с волнением пишут о том, что в полк прислали пополнение—700 человек, «и все без винтовок», что они сидят в окопах, «дожидаются, пока товарищей убьют», что у немцев на каждую роту два пулемета и 12 пушек на батарею, а у русских на батарею только 6 пушек; немецкая артиллерия действует, русская молчит, у немцев — проволочные заграждения в несколько рядов и заряжены сильным током, а у русских этого нет и т. д.

Очень популярными становятся слухи об изменах и продажности командного состава. Солдаты приходят к сознанию бесполезности жертв, приносимых ими на фронте.

«Страдаем и кладем свою жизнь ни за что, — заявляет солдат в письме в мае 1915 г. — Начальство во время боев или смотрит сквозь пальцы или предает солдат...». «От войны хорошего ждать нечего, если немцев разобьют, то кроме костылей другой награды не будет солдату. Наступления не принесут русским победы».

Это было уже началом осознания характера и целей войны.

4. Обострение борьбы солдат против командного состава и армейского режима

Поражения сыграли роль и в другом отношении: окончательно подорвали авторитет командного состава, обострили классовую рознь между солдатами и офицерами и породили глубокую ненависть к армейскому режиму.

С горькой иронией говорят солдаты о противоречии между обязанностями и положением солдата: «За каждый солдатский проступок здесь теперь виновного порют розгами. Да, как это ни горько, а это так... Какая несовместимость: непобедимый христолюбивый воин, поротый солдат... Ну как же, после того как выпорют 35-летнего мужика роз-

[1] «Царская армия», Сборник, стр. 27, п. № 9.

тами, не воспылать ему патриотизмом... Как же не сложить ему свою глупую голову, защищая родину с ее святыми заветами...»[1].

Солдаты сообщают родным о том, что «чувствуют себя, как узники», что не могут сделать «ни шагу без спроса, ни слова без разрешения», все по команде, за малейшее уклонение — мордобитие «и стойка под ружьем», что «солдат бьют розгами, как били помещики крестьян», что солдат живет, «как раб, даже хуже», что взводный — «неограниченный самодержец взвода» и что он «всегда прав», что на него «никто не смеет жаловаться».

«У нас принято у господ офицеров смотреть на солдат как на какую-то бездушную и ничего не чувствующую пешку. Ругань, издевательство, а даже кое-что и хуже в полном ходу, прибавь к этому полную бесправность»[2] — пишет один. Другой ему вторит: «Люди одной расы, одной нации, по одной земле ходят, но одни почему-то отделяются от других, и у них взгляды на нижних чинов, как на забитых животных»[3].

«Какой ужас... Думаю, что не перенесу всей угнетенности и унижения, какие приходится видеть и переживать. Содержат и обращаются, как со скотиной, а пожалуй и хуже. Услышать человеческую речь, встретить человеческое обращение совершенно невозможно... Чувствую себя очень скверно... Всего больше угнетает мысль о порабощении»[4] — пишет третий солдат.

«Лучше желал бы быть у немцев в тюрьме, чем здесь служить, здесь хуже каторги» — пишет четвертый[5].

Такие сообщения имеются в письмах на всем протяжении войны, но особенно много было их вначале, когда солдаты не подозревали еще о перлюстрации переписки между тылом и фронтом.

Солдаты все более и более поднимаются до широких обобщений.

«Из-за самой малейшей пустяковины душат тисками и душу и сердце, убивают дух. Где же тут взяться воодушевлению, так необходимому в такое время среди воюющей армии, где взяться стойкости и храбрости духа, когда люди не имеют понятия об его уважении. Нет, тут доброго ждать

---

[1] «Царская армия». Сборник, стр. 46, п. № 1.
[2] Там же, стр. 54—55, п. № 20.
[3] Там же, стр. 43, п. № 17.
[4] Там же, стр. 39—40, п. № 7.
[5] Там же, стр. 49, п. № 6.

нельзя, ежели наша рота — тип всей русской армии. Я вот уже с начала войны в третьей роте по счету, и везде все одно и то же. Да и рассказы товарищей это целиком подтверждают»[1].

В армии зарождается глухая и всепокрывающая ненависть в отношении армейского режима: «Дисциплина страшно надоела, не только мне, но и всем. Я ненавижу весь строй нашей жизни» — читаем мы в письме солдата[2]. Из-за того, что на такую жизнь обречены миллионы и что будто бы нет способов изменить ее, солдат доходит до отчаяния, до самоубийства. «Бывают минуты, когда малейшая неприятность, и пойдешь удавиться» — заявляет один из них[3]. Другой сообщает уже о самых фактах массовых самоубийств.

Классовая рознь между солдатом и офицером и издевательства последнего таковы, что один из солдат делает такое заключение:

«Я думаю, что нет в мире такой страны, как наша Россия, чтобы где мог быть такой произвол и беззаконие и такие мерзавцы офицеры, каких мне приходилось наблюдать и сталкиваться с ними...»[4].

Волна возмущения против войны и против режима, против офицера, пользующегося полнейшей безнаказанностью за свои поступки и свое поведение в отношении подчинения, нарастают на фронте. «Все молчат с какой-то затаенной злобой и тупым взором на лице»[5] — пишет один, а другой идет дальше: «Вижу, что нужно быть плохим человеком—злым, который за удар платит кровью, — тогда можно жить в этом проклятом мире... меня еще ни разу не ударили... если же меня ударят, тогда...» (солдат не кончает своей мысли, но она ясна).

Отсюда недалеко уже до открытого неповиновения и убийств начальников. «Теперь все солдатики возмущены... которые говорят — надо ружья побросать, которые говорят — надо начальство разбить...»[6] — пишет один.

«У нас троих офицеров убили солдаты, двоих солдат сейчас расстреляли, а те остальные скрылись — куда, неизвестно»[7] — пишет второй.

---

[1] «Царская армия», Сборник, стр. 50, п. № 9.
[2] Там же, стр. 43, п. № 15.
[3] Там же, стр. 47, п. № 12.
[4] Там же, стр. 68, п. № 12.
[5] Там же, стр. 50, п. № 9.
[6] Там же, стр. 33, п. № 82.
[7] Там же, стр. 93, п. № 5.

Дело доходило до того, что солдат запасных и резервных частей не отправляли на позиции с теми офицерами, какие начальствовали над ними до этого в тылу.

«Обыкновенно перед отправлением на позиции режим слабел. Во всех маршевых батальонах сменяли прежних офицеров и присылали других. Делалось это потому, что было опасно посылать с солдатами тех офицеров, которые их достаточно помучили в тылу» — пишет бывший солдат на фронте Пирейко[1]. На фронте было немало случаев, когда офицеров тайком пристреливали свои же солдаты.

5. Революционизирующее влияние тыла на фронт

Под влиянием работы партии и борьбы пролетариата в тылу от стихийной ненависти к командному составу и армейскому режиму солдаты поднимаются до общего **протеста против господствующего строя. Связь между событиями** в тылу, революционной работой партии и подъемом настроения на фронте особенно наглядна.

Партия с каждым месяцем развертывала все более активную работу среди солдат. Официальная переписка летом 1915 г. отмечает получение из-за границы значительного количества прокламаций, которые поступали сначала в Москву, а затем в бандеролях с печатными произведениями направлялись во внутренние губернии и больше всего в города Сибири[2]. Распространение этих листовок было несомненно связано с деятельностью большевистских организаций, действовавших в Сибири. Значительная часть этих листовок попадала конечно и в войска.

В октябре 1915 г. на юго-западном фронте наблюдалась рассылка по почте в войсковые части прокламаций «преступного характера», по своему содержанию специально предназначенных для войск. Прокламации распространялись от имени областной организации РСДРП Южного горнопромышленного района[3]. Едва ли юго-западный фронт являлся исключением.

Наряду с ростом революционной работы в тылу и на фронте огромное значение приобретает борьба революционного пролетариата.

---

[1] Пирейко, В тылу и на фронте империалистической войны, стр. 35.

[2] ЦВИА, д. № 94—056, л. 1.

[3] Лемке, Двести пятьдесят дней в царской ставке, стр 207.

Забастовочное движение весной 1915 г. охватило важнейшие отрасли промышленности, в том числе и металлургическую. В годовщину ленских событий в Петрограде происходил ряд стачек протеста. Во второй половине мая возникают стачки в районе Донецкого бассейна, а также в Харькове, Самаре, Саратове, в Тверской губернии и т. д. Особенной силой в этот период отличалось движение в Петроградском районе.

Неудачи на фронтах и углубление продовольственной разрухи, особенно увеличившейся вследствие разрухи транспорта летом 1915 г., дают толчок еще большему усилению революционного движения. В июне 1915 г. «Социал-демократ» отмечал волну экономических стачек среди питерских металлистов, охватившую 15 тыс. рабочих. Правительство производило жестокие расправы с крепнущим рабочим движением. В июне произошло кровавое подавление стачки костромских ткачей, причем было убито свыше десяти рабочих. Еще не успели отзвучать костромские выстрелы, как десятки рабочих-забастовщиков были расстреляны в Иваново-Вознесенске.

Уже в июле 1915 г. наряду с экономическими возникают и политические стачки. Одной из первых (во время войны) политических стачек текстильщиков и явилась стачка в Иваново-Вознесенске. Эта стачка происходила под руководством большевиков и сопровождалась крупной демонстрацией со знаменами, пением революционных песен, лозунгами «долой войну и правительство», «всеобщая амнистия» и т. д. Демонстрация была встречена залпом, последовавшим без всяких предупреждений: по данным «Социал-демократа», было убито 100 человек, ранено 40.

Российский пролетариат не оставил без ответа костромской и иваново-вознесенский расстрелы. Они вызвали целый ряд забастовок протеста.

Общее нарастание политического протеста рабочих ясно выявилось уже к концу лета 1915 г. Если в июне политические стачки составляли еще очень незначительный процент по отношению к экономическим забастовкам, то уже август дает небывалое увеличение числа политических забастовок, которое в два с половиной раза превышало число экономических. Уже в сентябре движение, начавшееся как чисто экономическое, приобретает ярко выраженный политический характер. Из зарегистрированных в сентябре забастовок 115 носили политический характер и 69 забастовок возникли на экономической почве.

Политические забастовки происходили в сентябре в губерниях Петроградской, Московской, Владимирской, Саратовской, в Донецкой области и в других местах. Всего в этих политических забастовках приняло участие 87 621 рабочий, из которых 84 313 приходилось на предприятия Петрограда и Москвы. В сентябрьской забастовке уже явно выявились антивоенные настроения пролетариата, усилившиеся в результате почти годичного опыта войны.

Весьма интересно проследить повышение внимания на фронте к событиям в тылу по мере получения сведений как об отдельных выступлениях в Государственной думе, так и о забастовках рабочих.

Если вначале отношение к Государственной думе является более или менее сочувственным, а интерес к ее деятельности довольно напряженным, то уже в половине 1915 г. в этом отношении появляются новые черты. «В Думе речи только красивые говорить умеют, а работать будут Ванюха да Петруха»[1] — говорится в письме от 27 июля 1915 г. Между тем интерес и сочувствие к массовым выступлениям пролетариата и городского населения, в частности к выступлениям на почве продовольственных затруднений, остаются постоянными.

В летние и осенние месяцы 1915 г. цензоры отмечают, что в армии растет тревога и что растет она не столько под непосредственным влиянием поражений и неудач на фронте, сколько под влиянием слухов о том унынии, которое охватывает «наиболее неуравновешенные слои общества» даже в глубоком тылу.

«Армия наша стала необыкновенно чутко прислушиваться ко всем событиям и тревогам, которые волнуют общество внутри России. На тревоги общества по поводу неутешительного положения на фронте армия неизменно отвечает целым потоком успокоительных писем; но тревога общества по поводу внутренних событий не только не разбивается об устойчивость духа армии, но, напротив, сильно смущает и колеблет дух армии»[2] — пишет московский цензор 28 сентября 1915 г.

Какие же вести из тыла будоражили армию? Вначале это — сообщения родных о дороговизне и о тяжелом положении семейств солдат, но вскоре их место заняли сообщения о стачечной и антивоенной борьбе пролетариата. «У нас

---

[1] ЦВИА, д. № 94—056, л. 71.
[2] Там же, д. № 25—899, л. 84.

в армии слух, что в Москве идет страшнейшая забастовка, взорван пороховой погреб, кричат «долой войну»[1].

Почему такой повышенный интерес к забастовкам и волнениям в тылу? Солдаты начинают видеть в них одну из форм борьбы против войны и политического режима.

«Здесь всех теперь интересует не театр войны, а Петроград. Судьба войны решается там, т. е. будет успех наш или нет»[2], — пишет солдат в августе 1915 г. в Москву.

Вопреки всякой шовинистической агитации против рабочих, якобы «помогающих немцам», солдаты обеспокоены не тем, что революционные выступления подрывают успешность действий на фронте. Их занимает и беспокоит одно: как ведут себя тыловые войска, когда их посылают усмирять рабочих. «Меня интересует, войска стреляли в народ или нет. Полиция, чорт с ней, а вот войска как... Если войска опять начнут свои усмирения, это будет очень плохо». И характерный штрих: «Войска с позиций в своих не стали бы стрелять»[3].

Такие строки принадлежали конечно представителям авангарда солдатской массы — ее рабочей прослойке. Но постепенно эти настроения захватывали все более широкую массу армии. Не только тысячи рабочих, находившихся в армии, но и многомиллионная масса вооруженных крестьян начинает понимать, что должно широко использовать все, какие только возможно, методы и формы борьбы против войны, обрушившей на плечи трудящихся груз лишений и поставившей под угрозу их здоровье и самую жизнь. Наряду с горькими сетованиями на армейский режим и по поводу совершенно неудовлетворительного снабжения фронта винтовками, снарядами, питанием и одеждой и упадком настроения в связи с поражениями, наряду с обостренным вниманием к событиям в тылу самое характерное явление для фронта в 1915 г. — это нащупывание первых форм борьбы против затянувшейся войны.

6. Сдача в плен и дезертирство. Начало братания на фронте в 1915 г.

Недовольство затянувшейся войной обычно находило выход во все более растущем числе случаев сдачи в плен и в дезертирстве. «Справдливость требует отметить, что раз-

[1] ЦВИА, д. № 25—899, л. 46.
[2] Там же, л. 75.
[3] Там же, л. 12.

вал в армии не был исключительно явлением послереволюционного времени. И нежелание воевать, и падение дисциплины, и подозрительное отношение к офицерству, и дезертирство в тыл—все эти явления замечались еще до революции как продукт общей плохой обстановки жизни и недостаточного питания, на почве темноты масс и недостаточной авторитетности командного состава»[1] — говорит Милюков.

«Я не хочу порочить нашу доблестную армию, а тем более доблестнейшее офицерство, которое своей кровью стяжало себе неувядаемую, бессмертную, всемирную славу; но справедливость требует указать, что симптомы разложения армии были заметны и чувствовались уже на второй год войны... Пополнения, посылаемые из запасных батальонов, приходили на фронт с утечкой в 25% в среднем, и, к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались ввиду полного отсутствия состава эшелона, за исключением начальника его, прапорщиков и других офицеров»[2] — читаем мы у Родзянко.

По данным, собранным ставкой после революции, мы знаем, что на кавказском фронте до переворота дезертировало 6 304 человека, на северном фронте по 1 марта 1917 г. дезертировало 48 676 человек, на румынском — 67 405, на западном — 13 648, на юго-западном — 45 133 человека.

Но дезертирство с самого фронта не исчерпывает всего числа дезертиров. Немало было таких, которые совсем не попадали в армию, «уклонялись» от призыва на войну.

Была весьма распространена добровольная сдача в плен. «Целые роты вместо контратаки подходили к германской траншее и поднимали ружья — сдавались. Утомились лишениями и войной»[3] — записал генерал Куропаткин 1 февраля 1915 г.

17 сентября 1915 г. находим у него те же факты: «Об армии самые тяжелые вести. Не винят нижних чинов, но указывают легкость сдачи. Оправдывают их тем, что укомплектование посылается безоружным».

«Отсутствие патронов, снарядов, явное превосходство противников действуют вредно в моральном отношении, располагают малодушных к сдаче, иногда целыми частями...»

---

[1] Милюков, История второй русской революции, т. I, вып. 1, Киев 1919, стр. 85.

[2] «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев». Февральская революция, сост. А. А. Алексеев, изд. 2-е, Гиз, 1926, стр. 24.

[3] «Разложение армии», Сборник, Дневник Куропаткина, стр. 2 и 4.

В одном из писем Янушкевича Сухомлинову имеются характерные строки:

«Начались массовые сдачи в плен, иногда по инициативе прапорщиков. «Чего нам дохнуть голодными и холодными, без сапог, артиллерия молчит, а нас бьют, как куропаток. У немцев лучше. Идем». Казаков, отбивших атакой 500 пленных, последние изругали: «Кто вас, ироды, просил: опять голодать и мерзнуть не желаем»[1] (письмо от 6 декабря 1915 г.).

Цензор Московского военного округа в своем обзоре от 12 сентября 1915 г. писал: «Встречаются довольно часто указания на добровольную сдачу в плен большими партиями»[2]. Солдаты часто писали в письмах: «При мне в нашем полку более как тысяча сдалась...» «У нас из одного полка ушло в плен 1 500 человек, без боя; ушло и их начальство»[3].

Между дезертирством и сдачей в плен и между поражениями и режимом, господствовавшим в армии, существовала самая прямая связь. Один из солдат сообщает:

«А почему наши так начали сдаваться? Потому, что бьют нас, дураков, кругом: на позиции немцы, а в тылу за все маловажные проступки наказывают телесным наказанием — бьют розгами. Тот, как розгами отлупят, то он смотришь, говорят, ушел в плен»[4]. Другой пишет, что с отъездом командира придет другой, «сердитый, как собака...», и тогда, мол, «в силу необходимости придется удрать...»[5]. Третий сообщает: «Ротный дорогой и офицер били. Даже не нас, а стариков с бородами. Когда мы приехали в Ардаган, на другой день у нас убежало 5 человек... Мы хочем все бежать и припасти сумки...»[6].

И наконец в письме четвертого мы читаем: «Мы воюем так: как пойдем на немцев наступать, так мы бросаем ружья и идем в плен, а почему? Потому, что у нас порядок очень скверный и офицеры тоже».

В конце 1915 г. сообщалось по штабам фронтов о том, что появился новый вид агитации между солдатами: целыми полками разбегаться с позиций в те моменты, когда нужно итти в атаку и когда идет артиллерийский обстрел. Солдаты стремились ранить себя в палец, в щеку и попасть на

---

[1] «Красный архив» № 2 за 1923 г., стр. 144.
[2] ЦВИА, д. № 25—899, л. 46.
[3] Там же, л. 46.
[4] «Царская армия», Сборник, стр. 26, п. № 7.
[5] Там же, стр. 35, п. № 22.
[6] Там же, стр. 58, п. № 29.

санитарный поезд. Цель этих массовых действий — тем или иным способом попасть домой. На такой путь стали уже два полка, в свою очередь вынудившие сняться с места артиллерию и затруднившие действия других полков, принимавших участие в атаке.

Как мы видим, от индивидуальных форм борьбы солдаты в 1915 г. доходят до коллективных и организованных попыток саботажа и срыва наступательных операций на фронте. К этому присоединилась еще такая форма подрыва войны, как братание с противником.

Братание, или, по официальной терминологии, сношения с противником, было зарегистрировано уже в октябре 1915 г.; более наглядно тяга к братанию выявилась в декабре этого года. 31 октября 1915 г. командование одной из армий юго-западного фронта сообщало о том, что командиру 8-го корпуса приказано принять строжайшие меры к прекращению сношений наших войск с противником. Распоряжение было дано в ответ на сообщение о сношении наших войск с австрийскими в районе Дубно[1].

Одно из самых первых указаний на братание мы находим в письме от 28 декабря 1915 г. По своей инициативе в русские окопы пришли немцы, поздравили солдат с праздником. Речь солдат-немцев была ясна и убедительна: «Довольно воевать, зачем нам друг друга бить, ничего нам за то не дадут»[2].

А затем и русские и немецкие солдаты сошлись на том, что и те и другие недовольны своими офицерами.

Попытка братания была также предпринята солдатами 35-го пехотного Брянского полка. Солдаты купили белого хлеба и упросили ротного командира написать по-немецки записку—поздравление по случаю праздника. То и другое было вынесено и положено впереди окопов, причем солдаты знаками давали понять немцам, чтобы те не стреляли. Те с благодарностью и с поклонами забрали хлеб и записку, а потом начали плясать под музыку (мандолину), на которой играли в русском окопе. Потом немцы бросили нашим солдатам яблоки, папиросы и баклажку вина.

Переговоры между русскими и немецкими солдатами, пляски, танцы немцев на виду у противника, когда русские играли на гармонии, становились все более и более частым явлением. «Они не стреляют на нас, и мы тоже не стреляем» — пишет один по такому поводу.

[1] ЦВИА, д. № 25—899, л. 139.
[2] «Царская армия», Сборник, стр. 32, п. № 21.

По своему содержанию и характеру братание являлось одной из наиболее действенных форм борьбы во имя крушения и ломки армии, во имя победы принципов пролетарского интернационализма. Это было стихийным, инстинктивным протестом масс против измены и предательства вождей социал-демократии и ужасов империалистической бойни и проявлением инициативы их к созданию единого фронта трудящихся против войны.

Это было проявлением стихийной тяги к миру и началом ломки «дисциплины мертвого подчинения солдат своим офицерам» (Ленин).

Совершенно не удивительно, что наиболее раннее распространение братание получило в армиях Франции, Германии, а затем Англии, более пролетарских, чем русская, по своему составу. Пройдя через поражения 1914—1915 гг. и под влиянием большевистской работы среди солдат, на путь братания становилась теперь и русская, в основном крестьянская, армия. Эти попытки братания явились наиболее грозным предостережением для империалистов обоих лагерей. Недаром всполошились правительства обеих сторон. Становясь на путь братания, солдаты этим самым заявляли о своем стремлении, пока стихийном и не вполне осознанном, решать проблемы войны и мира через головы командований и правительств. Таков был в армии 1915 год.

В следующем, 1916 г., революционное настроение армии еще более усилилось. В ряде случаев революционное недовольство солдат выливается в новые формы.

IV. ЦАРСКАЯ АРМИЯ В 1916—1917 гг.

1. Рост недовольства затянувшейся войной и жажда мира в начале 1916 г.

1916 год начался новогодней поздравительной телеграммой Николая II, оповещавшей солдат о том, что мира ждать нельзя до тех пор, пока враг не будет изгнан с русской территории. Телеграмма произвела удручающее впечатление на фронте и окончательно убедила солдат в затяжном и крайне губительном для них характере войны. Естественным ответом на нее явилось более острое проявление ненависти против войны и стремления к миру.

«Жажда мира разлагает дух армии» — читаем мы в письме офицера VIII армии в начале января 1916 г.[1]

Убедившись в затяжном характере войны, солдаты пишут, что мир едет на быках, что мир совсем было заключили, да не оказалось грамотных расписаться[2]. Горечь этой иронии особенно понятна, когда читаешь в письмах о том, что война надоела беспредельно и что солдаты не находят слов, чтобы проклясть виновников ее возникновения.

1916 год приносит новое еще в том отношении, что солдаты не только проклинают войну, но пытаются осмыслить ее цели и причины. Один пишет о том, что война—дело рук и умов людей, в руках которых находится власть, другой пишет о том, что война виновница дороговизны и что она приносит богатым наживу, бедным—физическую гибель и разорение. В широкой армейской массе все больше складывается убеждение в том, что война—чуждое, противонародное дело. Она затеяна правительством, князьями, министра-

[1] ЦВИА, д. № 25—921, л. 42.
[2] Там же, д. № 25—906, л. 284.

ми, помещиками и буржуазией, чтобы «покласть» как можно больше народа и чтобы с остальными легче было справляться. Таков основной мотив в оценке войны широкой массой вооруженных крестьян.

Солдаты-пролетарии еще с большей точностью говорят о причинах и целях войны: «Нас заставили защищать интересы купцов, помещиков и всех состоятельнейших людей страны, самых закоренелых врагов наших» — читаем мы в одном письме за январь 1916 г.[1]. И тут же говорится, что сами фабриканты и заводчики мародерствуют и спекулируют в тылу. Жертвы несет народ—рабочие и крестьяне, вынужденные выполнять волю господствующих классов.

Постепенно солдаты доходят до понимания того, какова роль русской армии в отношении армий союзников. Последние стараются о том, чтобы Россия ослабела и чтобы можно было поживиться за ее счет. На солдат царской армии они смотрят, как на пушечное мясо, нужное в интересах правящей России и их самих, союзников, вернее, их правительств. «Англия еще дает России денег на войну, но разве это даром... Англия, Япония и Италия велят, чтобы наши пуще наступали, наше начальство подкупают, а разве нашего брата жалко начальству»[2] — читаем мы в письме солдата за апрель 1916 г. Сознание зависимости русской армии от планов союзного командования становится источником огромного недовольства войной и связывается с именем Николая II.

Приезды царя на фронт и провозглашение им себя главнокомандующим особенно толкали мысль солдат в этом направлении. «Пока царь нас не сделал уродами, то не пустят человека домой... он не может править Россией» — читаем мы в одном из писем 1915 г.

Ненависть к войне, нараставшая на фронте, все более усиливала боевую революционную активность солдат. Но это была только первая раскачка многомиллионной массы.

2. Надежды солдат на скорое окончание войны в 1916 г.

Несмотря на значительный упадок настроения и окончательное выветривание наносного патриотизма в начале 1916 г., солдат еще был способен принять участие в наступательных действиях.

---

[1] «Царская армия», Сборник, стр. 65, п. № 5.
[2] Там же, стр. 72, п. № 20.

В чем коренились причины такого явления?

Позиционная война всегда тяжела тем, что она связана с нудным и томительным пребыванием в окопах, убивающим дух и бодрость солдат. Солдаты рассматривают отпуска как отдых и как своеобразную зарядку для дальнейшего сидения в окопах. Отпуска вошли в практику фронта тотчас же с установлением позиционного характера войны. Но если первоначально пребывание в отпуску укрепляло выдержку и выносливость на дальнейшее и довольно длительное пребывание в окопах, то к началу 1916 г. оно стало источником особо нетерпимого отношения солдат к какому бы то ни было затягиванию войны. Солдат готов был итти на что угодно, лишь бы получить уверенность в том, что война кончится скоро.

«Солдаты стали недовольны своим бездельем: уже скоро наверное месяц (как) стоим в резерве, все ждут с нетерпением боев и решить то или иное—жить или умереть, но страдать довольно... Почти каждый солдат побывал на родине и каждый узнал, какова жизнь там. Поэтому каждый и решается итти смело в бой и закончить в это лето все, чтобы не страдали мы и те, что остались дома»[1] — читаем мы в письме, адресованном в Москву в январе 1916 г.

Пока солдаты согласны были пойти на то, чтобы одним наступательным ударом покончить с войной. Но, как известно, эти расчеты и надежды солдат не оправдались. Наступление не принесло окончания войны.

Общее настроение фронтовой массы того времени в довольно замысловатой, но верной по существу фразе выразил прапорщик-артиллерист Степун, заявивший в письме: «Мне кажется, что все мы стали одновременно и много храбрее и много трусливее. Храбрее в смысле возможности все перенести, а трусливее в смысле нежелания что-либо переносить»[2].

Короче говоря, освоились и привыкли ко всем лишениям и тягостям войны, но было уже огромное нежелание переносить их дальше. Это было зарождение того стихийного протеста, когда массы не хотят уже жить по-старому.

Жажда мира подрывала терпение, испытывавшееся слишком долго. Фронт жил надеждой на скорое окончание войны. 27 декабря — 7 января на юго-западном фронте в весьма тяжелых условиях была предпринята попытка наступле-

[1] ЦВИА, д. № 25—921, л. 90.

[2] Ф. Степун, Из писем прапорщика-артиллериста, изд. «Пламя», Прага, 1926, стр. 214.

ния, имеющего целью оказать содействие потерпевшей жестокие поражения Сербии. Понеся значительные потери (до 45 тыс. убитыми и ранеными), русские войска не смогли добиться какого бы то ни было успеха. Попытки русских активизировать свои действия немцы считали ликвидированными надолго. Отбив наши атаки, немцы вскоре перебросили часть войск на фронт против итальянцев.

Но русские были связаны обязательством не позднее марта принять участие в общем наступлении. Сами французы под предлогом упорных боев под Верденом отложили наступление до июля, а итальянцы ограничились отдельными атаками; русское же командование в конце марта отдало приказ о наступлении. Наступление было начато на западном и северном фронтах и имело вначале известный успех.

Начавшаяся распутица сорвала эту успешную попытку. Наступление в буквальном смысле слова захлебнулось в крови и грязи. Русские части, участвовавшие в наступлении, совершенно безрезультатно потеряли до 50% своего состава. Потери в мартовскую операцию 1916 г. на одном только западном фронте выразились в 20 тыс. убитых, 65 тыс. раненых, 5 077 пленных—всего 90 тыс. человек. В бою у озера Нароч 15 апреля только один 5-й корпус оставил на поле сражения 9 343 человека, 16 орудий и 32 пулемета. И если первые успехи наших войск нашли самый благоприятный отклик на фронте, на некоторое время вселив в солдат небольшую надежду на скорое окончание войны, то провал предпринятого царским командованием наступления произвел самое гнетущее впечатление.

Всего ярче и полнее настроение солдат после этого неудачного наступления выразил один из рядовых цензоров юго-западного фронта: «Энтузиазма не видно... Молчаливое тягостное ожидание развязки мировой катастрофы и судьбы родины»[1].

Между тем на фронт гнали все новые и новые миллионы мобилизованных, которым нехватало даже оружия. По данным на 10 апреля, на западном фронте было 111 394 безоружных, из которых 42 773 человека состояли сверх комплекта. Война приобрела характер самого беспощадного истребления людского состава.

Вскоре после активных операций против русских войск австрийцы предприняли успешную попытку наступления про-

---

1 ЦВИА, д. № 25—907, л. 81.

тив итальянцев. В первые три недели боев они захватили у итальянцев до 40 тыс. пленных и до 300 орудий. Итальянцы весьма настойчиво потребовали помощи у русских. 5 июня началось наступление на юго-западном фронте, а 7 июня русскими был занят Луцк. Активные действия войск юго-западного фронта, во главе которого стоял генерал Брусилов, снова оживили надежды на скорое окончание войны.

Крайнее переутомление войной и стремление к миру особенно ярко отразились в солдатских письмах за 1916 г.

Каждое событие на фронте, — будь то победа русской армии или какой-нибудь из армий Антанты или, наоборот, будь то победа германской и австрийской армий,—по-своему воспринималось солдатами и ставилось ими в непосредственную связь с быстрым окончанием войны.

В каждом таком событии солдаты готовы были видеть начало решающего поворота, несущего быстрый выход из войны.

Точно так же реагировали солдаты на сведения о больших потерях людьми царских и союзнических войск.

Один из солдат писал например о том, что мира надо ждать скоро потому, что французы под Верденом «десять тысяч посекли».

Солдаты полагали, что большие поражения, понесенные Россией и союзниками, сделают продолжение войны невозможным и принудят правительства к миру. В феврале—марте 1916 г. солдаты рассчитывали, что с войной будет покончено весной и в самом крайнем случае летом этого же года. Во время летних боев 1916 г. солдаты были убеждены в том, что война не протянется дольше, чем до октября.

Царское командование в этот период ввело в дело огромные массы войск. Юго-западный фронт был поддержан вскоре и северным и западным. Благодаря наступательным операциям русской армии австрийская армия была разгромлена, а германская потерпела сильный урон. На австрийском фронте было взято в плен свыше 400 тыс. человек и много оружия, а также отнята территория в 25 тыс. *км²*. Опять-таки эта победа спасла союзников, в частности Италию, от неизбежного разгрома и облегчила положение англо-французских войск.

Но победы над австрийцами обошлись слишком дорого. Когда русские начали наступательные действия на юго-западном фронте, против них действовали только две германских дивизии и сравнительно небольшая масса австрий-

ских войск. А, как известно, австрийцы по сравнению с германцами являлись менее стойкой боевой силой. Но вскоре соотношение сил резко изменилось: 17 июня австрийцы начали переброску своих воинских частей с итальянского фронта, а вскоре на помощь им пришли германцы. При том сопротивлении, какое встречали русские, потери последних достигли колоссальных размеров. Только 35 дней наступательных боев Брусилова привели к потере убитыми, ранеными и попавшими в плен до полумиллиона человек, на западном фронте за 7 дней июля в районе севернее Барановичей потери составили 80 тыс. человек, на северном фронте в боях под Ригой 3—9 июля было потеряно 15 тыс. Массовость потерь, упорство и стойкость противника окончательно подорвали веру солдат в скорое завершение войны посредством победы. Несмотря на известные надежды, внушенные вступлением 15 июля Румынии в войну на стороне союзников, дальнейшие боевые действия уже не обеспечивали успеха русской армии. Предпринимаемые неоднократно вплоть до декабря попытки продолжить наступление ни к чему не привели.

Активные действия прекратились, но к середине января 1917 г. русская армия все еще удерживала на своем фронте 187 дивизий противника, т. е. 49% всех сил противника, действовавших на европейских и азиатских фронтах[1]. Война все же продолжалась. Надежды на мир снова не оправдались.

3. Нарастание политического недовольства и пораженческие настроения на фронте

1916 год особенно наглядно подтверждает положение Ленина о том, как война поднимает классовое сознание масс и заставляет каждого рабочего и крестьянина думать о таких вопросах, которые ранее были далеки его помыслам.

«Как чуткий барометр, армия всегда откликается на волнующие злобы дня тыла и на все события, отражающие общий ход напряженной мировой борьбы»[2].

Солдаты очень живо откликаются и обсуждают в письмах разгром Черногории и ее неизбежную капитуляцию, дошедшие до них сведения о княгине Васильчиковой и ее миссии (попытка переговоров о сепаратном мире с Герма-

[1] Деникин, Очерки, т. I, вып. 2, стр. 20.
[2] ЦВИА, д. № 25—921, стр. 87.

нией в конце 1915 г.), сообщения о поражении в Румынии и взятии Бухареста, победу английского флота над немецким и т. д. Но все это рассматривается под одним только углом зрения: насколько то или иное событие приближает или отдаляет дело мира.

Цензоры писали: «Не говоря уже о читающей части армии, но серая масса, совсем малограмотная, и та жадно прислушивается к тому, что происходит на необъятных фронтах войны. По-своему усваиваются слухи и сведения, почерпнутые из газет, подчас имеющих уже давность, и ухитряются как-то разбираться в главных симптомах войны».

Даже самые темные и отсталые солдаты из рабочих и крестьян научились теперь связывать свою судьбу с событиями мировой важности и ставить в центре своего внимания вопросы величайшей политической значимости. Значительное изменение положения со снабжением фронта, вооружением и снарядами в 1916 г. лучше всего говорит о том, какое значение имеет соотношение техники и политико-моральной устойчивости воинских масс. Несмотря на то, что общая вооруженность армии в 1916 г. значительно поднялась, настроение фронта под влиянием поражений и событий в тылу оставалось угнетенным и подавленным и далеко не боевым. Вера в победу была убита окончательно.

«Шесть месяцев завоевывали мы Галицию, шесть месяцев брали грудью сопку за сопкой, шесть самых тяжелых и зимних месяцев стыла наша пехота в воде и грязи, мерзла в глубоких снегах, без снарядов и пулеметов, руководимая зачастую бессовестным и безграмотным начальством, разрывая голыми руками немецкую колючку, уставляя холмы за холмами белыми крестами братских могил, продвигалась она каким-то чудом вперед да вперед...

В шесть дней мы отдали все, что завоевывали шесть месяцев. Нельзя сказать, чтобы мы позорно бежали. Нет, мы дрались, и временами, как например на Сане, дрались геройски; но враг был настолько сильнее, его материальные средства были так сокрушительны, что мы все же не просто отступали, но бежали с невероятной быстротой, очищая в иные сутки до 60—75 верст.

Мы бежали сквозь кромешный ад. Вокруг нас все время пылали громадные костры поджигаемых и нами и немецкими снарядами городов и селений. Разрывы тяжелых (снарядов) непрерывно вскидывали к небу сотни пудов черной земли; издали казалось, что всюду плещутся грандиозные нефтяные фонтаны. Пехота гибла без счета: много людей

убывало убитыми и ранеными, но гораздо значительнее были потери отставшими, сдавшимися в плен, забивавшимися в халупы и утонувшими при переходах через речки. Когда мы уже отдали Сан, к нам начало поступать пополнение. Но было уж слишком поздно. Маршевые роты, скверно обученные, сразу же, как мясо в котлетную машинку, попадали в атаку и гибли без счета, без смысла и пользы»[1] — записал прапорщик Степун.

Эти безнадежность и безверие стали общим настроением всей армии. После поражений и отступления русских из Галиции солдаты приходят к выводу о полной бесполезности жертв, приносимых ими. В августе 1916 г. солдат пишет: «На нашем участке в последнем бою потеряно 10 тыс. человек, а сделано что? Ничего... Шли и умирали, а что за это? Ничего»[2].

«Сколько раз шли в атаку и выгнать неприятеля не могли, ну, что положили народу, то не могу вам описать. Нам не пережить эту войну, погибнуть придется»[3] — пишет другой.

«Несколько раз наступали и все без толку... Порядка никакого нет, и войска все терпели, а теперь не хотят вовсе итти в наступление, говорят, довольно народ губить»[4] — читаем мы в выписке, приводимой при обзоре цензора за конец октября 1916 г. За разговорами о технике крылось уже глубочайшее недовольство политическим строем, не сумевшим обеспечить успешность операций на фронте, несмотря на понесенные войсками большие жертвы и потери.

Понесший огромные потери и получавший пополнение за счет малообученных солдат фронт выдохся окончательно и не был пригоден для скорого развития новых наступательных действий. Последний и решительный удар устойчивости фронта был нанесен отказом России и союзников принять предложение Германии от декабря 1916 г. о начале мирных переговоров. Без остатка разваливаются привычные, навязанные солдату поповщиной и школой принципы монархизма и безусловного уважения к личности самого монарха.

Николай II становится самой ненавистной фигурой в солдатской среде. Солдаты в письмах не только весьма непоч-

---

1 Ф. Степун, Из писем прапорщика-артиллериста, стр. 120.
2 «Царская Россия», Сборник, стр. 80, п. № 38.
3 ЦВИА, д. № 25—924, л. 748.
4 Там же.

тительно говорят о царе, но лично ему адресуют письма, наполненные всякими ругательствами по его адресу.

Кровопийца, изверг, мерзавец и паршивый царишка—вот эпитеты, какими награждает в письме Николая II солдат, возмущенный отказом царского правительства принять предложение Германии о начале мирных переговоров. «Смерть и гибель тебе, царишка Николай II... Твое государство разрушено, покорено, уничтожено, а ты сам с твоим подлым семейством будете растерзаны, уничтожены твоим же страдающим народом»[1].

Озлобление, классовая ненависть и ярость солдат—наиболее существенные черты их настроения в конце 1916 и в начале 1917 г.

И характерно, внимание фронта теперь снова обращается к тылу. «Больше нас интересует не война, а наша внутренняя жизнь... Теперь только для всех стало ясно, насколько хорошо наше правительство и на что оно способно» — читаем мы в письме, относящемся к концу 1916 г. Солдатская корреспонденция особенно много хлопот в это время доставляет военным цензорам. Стремясь получить достоверные сведения о событиях в тылу и сообщить подробно о том, что происходит на фронте, солдаты прибегают к всевозможным ухищрениям и уловкам, чтобы обойти военную цензуру. Не говоря уже о том, что письма посылаются и получаются через отпускников и командированных, солдаты прибегают к условной переписке и даже к писанию писем бесцветными жидкостями (молоком, лимонным соком и т. д.). В письмах то и дело можно встретить указания, что следующее письмо надо будет прочитать так-то и так: подержать у огня или потереть золой и т. д. Не удивительно, что цензоров в особое волнение каждый раз приводили письма, в которых были большие промежутки между строчками или чистые страницы. И они были по-своему правы: случалось, что все это делалось неспроста. Но настроение фронта становилось уже таким, что скрывать свои помыслы солдатам становилось все труднее и труднее. Антивоенный протест и ожидание революции прорываются чуть ли не в каждом письме. Благодаря этому крайне резко меняется содержание писем с «недозволенными сообщениями». Если раньше в эту рубрику попадали письма с указанием стоянок, с сообщениями о передвижениях частей и потерях на фронте, то к ним теперь все больше и больше стали при-

[1] «Царская Россия», Сборник, стр. 108, п. № 1.

бавляться письма, содержание которых носило политическую окраску.

О характере переписки между фронтом и тылом лучше всего говорят те отдельные письма, которые попадали в руки цензоров и фигурировали в их отчетах как образцы корреспонденции, содержащей «недозволенные сведения».

«Если будут тебя заставлять бить безоружных, то вспомни, что среди них находится твой брат родной и твое семейство»[1] — пишут одному солдату из тыла. «По деревням всюду описывают крестьянский хлеб, за бесценок отнимают... крестьяне скоро выйдут из терпения и подымут беспорядки. В нашей матушке-России будут совершаться разные перевороты в государственном отношении»[2] — сообщают другому.

Солдаты в свою очередь отвечали в тыл: «Не ждать нам свободы от наших правителей, а лишь большего рабства и нищеты в будущем... куча богачей, утопая в роскоши, жмет наших жен и детей бронированными кулаками толстопузой полиции. Все до нас доходит, и мы прекрасно знаем, что там делают с вами, хотя и стараются между нами и вами пускать облако скрывающего тумана»[3]. Это одно письмо.

«За свободу честного, справедливого народа не бойтесь и смерть получить. Будьте же вы по гроб своей жизни честны и справедливы, хотя бы за это от полиции и умереть пришлось»[4]. Таково другое письмо.

Последнее письмо—письмо отца, внушающего детям различать «тех добрых людей, которые народу желают просвещения и одного добра, а также тех, которые Россию довели до полнейшего разложения». Кто же это те, которые желают народу просвещения и добра? Это конечно революционные рабочие. В письмах солдат снова и снова упоминания о забастовках пролетариата в Москве, Петрограде и других центрах. Особенно напряженным было внимание к стачечному движению в октябре—ноябре 1916 г. и в начале 1917 г. Это и понятно.

В октябре 1916 г. стачечное движение достигло такой высоты, какой оно еще ни разу не достигало за все годы войны. Число стачечников поднялось до 180 тыс. человек, пре-

---

[1] ЦВИА, д. № 222—554, стр. 138.
[2] Там же.
[3] Там же, д. № 25—922, л. 171.
[4] Там же, д. № 25—945, л. 329.

высив число их в предыдущем месяце, т. е. в сентябре, в три раза. Стачечная борьба носила ярко выраженный политический характер. Движение происходило под непосредственным руководством большевиков. Забастовкой в Петрограде руководил Петроградский комитет большевиков. На ряде заводов забастовки сопровождались вооруженными столкновениями с полицией, митингами и демонстрациями с лозунгами «долой войну».

Особенно нервировали солдат сообщения о действиях полиции по разгону стачечников, демонстрантов и женщин, участниц продовольственных беспорядков.

В отчете цензора особой армии за вторую половину октября 1916 г. мы находим такие строчки: «Правда ли, как говорят, в Москве бунты здоровые и 600 человек полиция убила... носится слух, будто бы в Москве или еще где-то полиция побила женщин, чуть ли не 20 тысяч»[1].

Фронт захлестнут волной возмущения против полиции и режима, бросившего в окопы на страдания и смерть миллионы одних и угнетающего миллионы других, оставшихся в городах и деревнях голодных стариков, женщин и детей.

В армии в 1915 г. начинают складываться, а в 1916 г. более явно оформляются пораженческие настроения. «Приезжал царь, сказал нам, что надо выбить неприятеля с своей земли, мы сказали — постараемся, ну, а себе мы думаем на уме—должно быть мало отдали, надо отдать Москву, Петроград, тогда будет мир»[2] — читаем мы в письме солдата от конца декабря 1915 г.

«Я не называю праздником заключение мира в нашу пользу. Это все равно. Ведь нам, беднякам, опять так же придется своим потом и кровью откармливать до ожирения своих правителей... Ну, чорт с ними, посмотрим, что будет дальше, соединимся все, чтобы не дать нам погибнуть»[3] — читаем мы в письме, адресованном в Москву в начале января 1916 г.

В солдатской корреспонденции то и дело встречаются выражения, что если, мол, будет победа, «для нас легче не будет», «хорошо только тем, кто нажился от войны». Если взять это в целом, то нельзя не притти к выводу, что русская армия была захвачена процессом стихийного пораженчест-

---

[1] ЦВИА, д. № 25—925, л. 209.
[2] «Царская армия», Сборник, стр. 31, п. № 19.
[3] ЦВИА, д. № 25—921, л. 248.

ва. Наряду с ним широким и всеохватывающим становится стремление к миру. «Солдаты меньше всего интересовались победами, их интересовал мир и только мир, и какой это будет мир — сепаратный, похабный или еще какой,— для них было все равно. В заметках, которые иногда попадали в руки солдат, последние читали только то, что так или иначе относилось к вопросу о мире» — пишет Пирейко.

«У нас в полку те и разговоры, что о мире. Война порядком надоела» [1] — пишет один солдат, находящийся в резерве на берегу Балтийского моря.

«Я надеюсь, что скоро будет мир. Если бы у меня не было надежды на мир, то я давно бы покончил с собой...» — пишет другой [2].

«Ничего бы и не нужно, только скорее мир...» [3] — пишет третий.

Ленинские лозунги о пораженчестве, братании и превращении войны империалистической в гражданскую формировали сознание солдат и толкали их на путь признания наиболее революционных форм борьбы. От стихийного пораженчества и пассивного ожидания мира авангард солдатской массы постепенно поднимается до вполне осознанного убеждения в необходимости использовать оружие в борьбе против войны и существующего строя.

4. Солдаты о превращении войны империалистической в войну гражданскую

Все более популярной становится мысль о том, что войну «придется самим кончать», что «солдаты мир сделают сами» [4]. Но как солдаты «сами сделают мир», у войск еще не было и не могло быть единого решения. Крестьянская в своем большинстве армия больше склонялась к тому, что солдаты «сложат ружья на позиции кучей, а сами уйдут...» и что «надо всем бросить воевать и воткнуть штыки в землю».

Но пролетарское меньшинство армии понимает, что это еще не есть решение вопроса. Оно ставит решение проблемы войны в зависимость от забастовок на фронте и в тылу и «наконец в зависимость от революции против царизма». И потому самым существенным в настроении солдат в

[1] «Царская армия», Сборник, стр. 70, п. № 15.
[2] Там же, стр. 78, п. № 31.
[3] Там же, стр. 59, п. № 31.
[4] «Царская армия», Сборник, стр. 123, п. № 37.

конце 1916 и начале 1917 г. становится то, что все расчеты на мир они все больше и больше связывают с революционной активностью пролетариата и крестьянства в тылу и солдат на фронте. «Только может быть мир тогда, ежели сами солдаты сделают и в России будут в заводах забастовки»[1] — читаем мы в одном письме от 14 февраля 1917 г.

«Пишите, какие разговоры идут дома относительно войны, нет ли бунтов, если есть, то нужно их усиливать, тогда только война кончится»[2]—пишет солдат в письме от февраля 1917 г., адресованном в деревню. Как мы видим, на позицию пролетариата становятся и солдаты-крестьяне. Да и сами эти заявления являются несомненно прямым откликом на стачечную борьбу пролетариата в начале 1917 г. Как известно, первые месяцы 1917 г. дали необычайно сильный подъем стачечного движения. По весьма неполным данным фабричной инспекции, число забастовщиков достигло в январе 167 тыс., т. е. почти уровня 1914 г., в феврале же число забастовщиков несомненно еще более возросло.

Стачечное движение накануне февральского переворота открылось крупными забастовками в день 9 января. Накануне дня 9 января Петроградским комитетом было решено провести агитацию не только за устройство забастовок, но и за устройство уличных демонстраций с революционными антивоенными лозунгами. Такие же директивы бюро ЦК дало и москвичам.

На многих заводах и фабриках рабочие в годовщину 9 января, придя в обычный час на работу, организовали митинги, на которых выступали ораторы с оценкой положения в стране и призывали пролетариат к активной борьбе с царским правительством—виновником войны.

На некоторых заводах рабочие после митингов устраивали уличные демонстрации с красными знаменами и пытались проникнуть в центр города, но были разгоняемы конной и пешей полицией. Одновременно с Петроградом произошли выступления в Москве и в других городах (Баку, Нижнем-Новгороде и др.), причем в Москве были также попытки организовать демонстрации с красными флагами под лозунгом «долой войну».

Новая волна стачечного движения встретила на фронте живейший отклик и очень быстро нашла отражение в солдатских письмах.

---

[1] „Царская армия", Сборник, стр. 123, п. № 36.
[2] Там же, стр. 122, п. № 35.

«Я не могу представить себе той радости, когда узнал, что наши товарищи-братья торжественно ознаменовали день 9 января»[1] — пишет солдат в письме в Петроград в январе 1916 г.

Солдаты, в особенности солдаты из рабочих, прекрасно понимали, что это только начало борьбы и что «будет еще война внутри России» (из письма солдата броневой автомобильной роты).

«Наш настоящий враг в России среди нас—русского народа, он живет, и я его знаю, я знаю подлого, продажного, гнусного, оградившего себя, свою подлую жизнь миллионами штыков»[2] — пишет 21 февраля 1916 г. солдат 12-го железнодорожного батальона Белкин.

«Забыли они вероятно 1905 год. Дошкурят они бедный народ и вызовут его на себя и горе им будет»[3]—пишет 10 января 1917 г. другой. Это уже угроза новой вооруженной борьбы против самодержавия.

Третий солдат (7-го мортирного артиллерийского парка дивизиона) пишет, что страна идет снова к событиям 1905 года и что темные силы уже готовятся к разгрому революции. Снова на сцене Трепов, слова которого «патронов не жалеть, холостых залпов не давать» не забыты до сих пор.

Здесь еще не сказано слово «революция». В других письмах оно говорится совершенно ясно и открыто: «Все готовы к революции. А что революция будет, так это пожалуй более чем вероятно»[4].

Солдаты пишут о том, что война должна быть окончена, что после войны неизбежны смуты у нас и в других странах, что правительству не сдобровать, что враг не впереди, а за спиной, что пора беднякам порвать цепи, сковывающие их, что надвигаются великие события и т. д. Солдатская масса становится на путь практического осуществления лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую. И характерно, солдаты сами говорят, что армия не та, что была раньше. «Теперь солдат не тот, что был в японскую войну, под маской покорности рабской кроется страшная злоба... Только зажечь маленькую спичку, и вся эта масса загорится, и тогда уже трудно будет остановить эту народную массу. Она поглотит все на своем пути, и то-

---

[1] ЦВИА, д. № 25—921, л. 276.
[2] «Царская армия», Сборник, стр. 68—69, п. № 12.
[3] Там же, стр. 119, п. № 26.
[4] Там же, стр. 128.

гда (пусть) трепещет злодей, толкнувший нас на эту войну»[1].

Политическим содержанием были насыщены конечно письма не всей массы солдат. В политически насыщенных письмах звучал голос авангарда, прежде всего пролетарской и бедняцко-крестьянской прослойки солдатской массы.

Некоторые письма свидетельствуют о том, что в лице отдельных солдат мы имели вполне сознательных и организованных проводников большевистского влияния в армии. Один пишет, что он с нетерпением ожидает минуты, когда фронт повернется в обратную сторону лицом и потребует оплаты по счетам. «Я стараюсь сделать все возможное в этом направлении»[2]. Другой сообщает, что он из правого сделался крайним левым, и наконец, откликаясь горячо на стачки в день 9 января 1916 г., третий запрашивает адресата (видимо, партийного работника): «В каком положении находится наше государство, общий дух народа, имеется ли связь с армией, что предполагают в дальнейшем действия наших социалистов и вообще пролетариата всех стран»[3].

5. Рост недовольства среди солдат-крестьян

Гнет войны, диктатура крепостников и крепостнического государства тяжело давили на крестьянские плечи. Крестьянство задыхалось под тяжестью полукрепостнической кабалы.

Основная масса земли сосредоточивалась в руках у помещиков. Арендуя у помещика до 20 млн. десятин земли, крестьянство ежегодно выплачивало ему не менее 400 млн. руб. Крестьянин-солдат, приходя в армию, никогда не забывал о взаимоотношениях между деревней и помещиком и не терял надежды на то, что настанет наконец время, когда он станет полновластным хозяином помещичьей земли.

Во время войны значительно поднимается активность и широкой солдатской крестьянской массы. Солдат-крестьянин, вдохновляемый ненавистью к войне, режиму в армии и правительству, более решительно подходит к выдвижению требований о коренном удовлетворении интересов крестьянства.

В лице командира он невольно видел перед собой того же самого «барина», которым эксплоатировалась его родная деревня.

---

[1] «Царская армия», Сборник, стр. 128, п. № 47.
[2] ЦВИА, д. № 222—554, л. 137.
[3] Там же, д. № 25—921, л. 276.

Солдаты-крестьяне в своих письмах неоднократно поднимают вопрос о земле и о том, что в результате войны не будет никакого улучшения для крестьянства. Один из солдат пишет, что русские никогда не выиграют войны, война идет уже второй год, но до сего времени нет ни одного манифеста для крестьян — защитников русской земли.

«Живем на земле очень плохо, нет на душу полоски земли, а у помещиков глазом не окинешь, будто только для них одних бог сотворил землю; наш брат мужик, крестьянин, солдат обижен...», и тут же солдат связывает это с невозможностью победы русских: «В победу твердо не нужно верить, всем известно, что у нас нет единения»[1].

Солдаты пишут, что в деревнях в их хозяйствах одно разоренье, что у крестьян Поземельный банк забирает земли, что наживаются только кулаки.

Солдаты болезненно остро реагируют на то, что с крестьянских хозяйств тянут подати и налоги и заставляют крестьян, а иногда многодетных крестьянок выполнять всякого рода работы и повинности в пользу казны. Кругом угрозы нагайкой и тюрьмой. Если солдат останется жив на войне, перенеся все опасности и тягости военной жизни, ему придется выплачивать недоимки и подправлять разрушившееся хозяйство. Солдаты жалуются, что казна имеет огромные леса, а крестьянские избы повалились, стоят нетопленные, сырые и холодные. Лес населению бесплатно не отпускается, а берут с него и подати и людей на войну.

«Не то интересно, что останешься лишь живым, а интересно то, какая будет перемена в России и чем удовлетворится безземельный крестьянин, а также остальные»[2] — пишет один из солдат фронта в июле 1916 г.

Солдаты шлют домой советы не давать казне и прятать подальше все то, что отбирается в порядке реквизиции, твердо и безапелляционно заявляется о том, что «они (власти.— *О. Ч.)* у бедного отбирают последнее, а богатого и помещика не видят»[3]. Когда, по предложению Думы, опросили георгиевских кавалеров, чего бы они пожелали в будущем, то многие заявили о том, чтобы у немцев, проживающих в России, и у всех помещиков была отобрана земля и была бы роздана не имеющим ее в достаточном количест-

---

[1] «Царская армия», Сборник, стр. 74, п. № 24.
[2] Там же, стр. 78, п. № 32.
[3] Там же, стр. 104.

ве. В письмах солдаты пишут, что страдают они за панов и графов, за их земли и леса, и называют войну «обидной» для крестьянства, так как крестьянин во время нее ни за что не получает, а графы и паны получают от казны большие деньги за леса, вырубаемые для нужд армии [1]. Крестьяне-солдаты вспоминают, что в 1906 г. много крови было пролито за землю. Некоторые из них доходят до весьма решительных выводов.

«Я думаю, что наша страна погибнет... Мы и так видим, как с голоду морят нас, наших жен и детей. Но пока мы ничего не говорим, а придет час, мы скажем им: довольно нас губить, пора и нам взглянуть на свет. Мы (по)требуем от них, что нам нужна свобода и чтобы не министры правили страной, а народ, избранники народные, которые говорят всю правду народу. Мы будем ждать, что-нибудь наверное будет. В армии нашей что-то проявляется, но что — покажет весна, и что — вы скажете там, в тылу» [2].

«Человека забирают на страшный гнет, ему внушают, что ты будешь защищать царя, отечество и родину, а что такое родина, человек не знает. Хотя он и знает, но не имеет никакой теплоты в душе для защиты».

Откуда эта «теплота» могла быть у рабочего и крестьянина в царской России? И солдат говорит:

«Родиной мы считаем ту, где бываем ублаготворены. У меня тоже на действительной родине где-то есть 60 сажен земли, которую я не засеваю и с которой мне и на год нехватило бы прокормиться и от чего где-то жил далеко и зарабатывал на чужой работе себе кусок хлеба...»

Голос крестьянина, переставшего быть земледельцем-хозяином и превратившегося в наемного рабочего, слышим мы здесь. Старая ненависть мужика к помещику кипит в его груди, но она уже окрашена сознательным отношением к войне и политическому строю.

«Из нас никто не жалеет, что забран германцами, а только каждый желает мира. Нам бесполезно, хотя взяли что у неприятеля, все равно будет все казенное и помещиков.

Как мы отступали, проезжали массу имений по несколько квадратных верст, а одно имение некоторого графа Бежицкого — мы ехали через него полторы недели, считая по 20 верст в день. Вот этим людям есть родина и отечество» [3] — заявляет он же.

---

[1] «Царская армия», Сборник, стр. 113, п. № 12.
[2] Там же, стр. 104—105.
[3] Там же, стр. 69, п. № 13.

«Где наша земля? Спросите каждого солдата, и он вам ответит, что служил до войны у какого-либо помещика и для пропитания своего зарабатывал кусок хлеба, а теперь за их барскую жизнь ставь голову под неприятельский меч...

Кто больше страдает в эту пагубную войну, не наш ли брат? Кого больше погибает — не нашего ли брата, страдающего в настоящее время, а также (страдавшего. — *О. Ч.*) в прошедшем?..

От чистого сердца сознаюсь, что почти все солдаты стремятся попасть в плен, особенно в пехоте, и если высшее правительство не улучшит положения бедного крестьянина, который может спасти еще Россию от унижения, то славившаяся дорогая родина останется униженной навсегда. Почему наша Россия осталась в таком плохом положении, а потому, что наше правительство заглушило жизнь бедного крестьянина, которому не за что класть свою голову. Давно пора покончить с этим делом. Тогда только русский воин не будет сдаваться в руки противнику, когда его жизнь будет обеспечена»[1].

Это письмо было направлено для опубликования в газете. В письмах же родным солдаты писали: «Чинша не платите, податей и сборов не платите». Официальная переписка того времени свидетельствует, что отказы от платежей были в деревне настолько частым явлением, что военный министр 25 мая 1916 г. требовал от ставки, чтобы офицеры особо старательно разъясняли солдатам недопустимость таких советов родным.

6. Влияние революционного пролетариата на солдат тыловых гарнизонов

Наряду с революционизирующим влиянием на фронтовых солдат армейского режима и затянувшейся войны в процессе революционизирования армии огромную роль играла непосредственная близость солдат и рабочих в тыловых городах.

Здесь солдаты все чаще и чаще начинают подчеркивать свою солидарность с рабочими в тех случаях, когда правительство ждет от них только безоговорочного «исполнения долга» — разгона и разгрома стачечников и демонстрантов.

Солдаты запасных частей гарнизонов Москвы, Петрограда и других городов стали сотнями вливаться в колонны

---

[1] ЦВИА, д. № 222—554, л. 10.

демонстрирующих рабочих. По инициативе Петроградского комитета большевиков 9 января 1916 г. произошли политические стачки и демонстрации рабочих. При виде красных знамен встречающиеся солдаты снимали шапки и кричали «ура», «долой войну». 10 января вечером по Б. Сампсоньевскому переулку шествовала колонна демонстрирующих рабочих и солдат. Участвовало до 600 солдат. Пели революционные песни, произносились речи и раздавались крики «долой войну». Полиция не решалась прибегнуть к разгону. Демонстрация длилась больше часа и за поздним временем окончилась в данном квартале. В тех же случаях, когда на солдат возлагалась задача воздействия на стачечников, они отказывались от выполнения подобных приказов. В частности в Москве такой факт был отмечен уже в сентябре 1915 г. В Петрограде же имел место другой, не менее показательный случай: при столкновении стачечников, выступивших в октябре 1916 г. с протестом против войны и другими политическими требованиями, с полицией часть солдат 181-го запасного полка (в том числе и учебная команда) открыто присоединилась к рабочим. Эти первые солдатские выступления рабочих и солдат находили понятно самый сочувственный отклик на фронте и революционизировали всех солдат.

7. Братание на фронте в 1916—1917 гг.

Братание явилось естественным выводом из признания дальнейших жертв бесполезными, естественным шагом в поисках путей к миру, к окончанию войны. Мы уже упоминали выше, что первые попытки братания относились еще к 1915 г. В 1916 г. братание получило еще более широкое распространение. Новая и притом более массовая попытка братания имела место на австрийском и германском фронтах на пасху в апреле 1916 г. Солдаты противных лагерей в течение 2—3 дней не вели перестрелки.

«Как-то чудно было: вмиг стихли раскатные выстрелы орудий и неугомонная трескотня ружей и пулеметов; люди, закаленные враги, повыходили из своих нор, гордо подошли друг к другу и подают братскую руку... Как-то не хочется верить, что они завтра будут искать случая лишить жизни друг друга»[1] — писал один солдат в апреле 1916 г. «После такого гостеприимства очень скверно будет воевать»[2] — писал второй.

[1] ЦВИА, д. № 25—922, л. 52.
[2] Там же, л. 376.

Сходились обычно по нескольку десятков и сотен солдат с обеих сторон; немцы угощали русских вином, печением, папиросами, русские — хлебом; братающиеся фотографировались на общих снимках.

Во время братания солдаты обеих сторон добровольно оставались в плену. Но иногда русские отказывали в этом, заявляя, что сейчас в плен они никого не возьмут. Это была своеобразная охрана принципа братания. Такую же трогательную заботу об охране братания проявляла и противная сторона. Когда русские заходили в окопы противника, немцы предупреждали, где у них заложены мины. Обратно отсылали наших солдат с провожатыми. Были случаи, когда австрийские солдаты при братании заранее предупреждали русских о том, когда они по приказанию начальства начнут стрелять и когда русским своевременно надо спрятаться от обстрела. В тех случаях, когда были переводчики и налаживалась беседа, обе стороны обязательно заговаривали о мире и о порядках в армии. Как правило, солдаты договаривались до того, что все они одинаково жаждут скорейшего окончания войны.

В одном случае мы имеем прямое указание на то, что в результате братания русские солдаты «взбунтовались» и отказались итти в наступление и сдать свое оружие. «Теперь так и сидят в окопах и не стреляют, и германцы тоже не стреляют» [1].

Надо отметить, что братание чаще всего начиналось при активном участии солдат бывших рабочих или как результат активной антивоенной пропаганды одиночек-большевиков. Так например на пасху 1916 г. братание имело место в 479-м полку, в котором активную революционную работу вел бывший рабочий-обувщик П. Ф. Федотов, поддерживавший теснейшую связь с большевиками Петрограда и Риги.

Братание начали запрещать под угрозой военно-полевого суда. Виновные в братании привлекались к самой строгой судебной ответственности. Многие из солдат были отданы под суд и понесли суровые наказания.

Наступательные действия, предпринятые в мае—июне 1916 г., сорвали развитие братания. Но отдельные попытки братания тотчас же возобновились, как только прекратилось наступление. «Непосредственные сношения» с противником в переписке солдат были отмечены в последнем квар-

[1] ЦВИА, д. № 25—925, стр. 316.

тале 1916 г. и в первые два месяца 1917 г. Фронт нетерпеливо ждал конца войны и использовал все методы и формы, чтобы сделать ее невозможной.

8. Саботаж войны и «забастовки» солдат накануне Февральской революции

Активная тяга к прекращению войны и заключению мира вылилась еще в другую форму — в форму саботажа войны.

Письма 1916 г., начиная с конца октября, то и дело пестрят сообщениями об отказе солдат выполнять боевые приказы начальства. Вот письмо от 28 октября из 406-го пехотного Щигровского полка. В нем рассказывается о том, что после значительных потерь, понесенных полком в девятидневном бою, ему снова был дан приказ о наступлении. Полк двинулся вперед, но когда до него дошли сведения, что двое контуженных были высечены розгами за мнимое симулянтство, полк «взбунтовался». Солдаты заявили, что пусть их расстреляют, но воевать они больше не будут.

Вот письмо из 306-го Белгородского полка. Из него видно, что 15 ноября полк должен был взять одну гору. В течение ночи велся артиллерийский обстрел позиций противника, а утром полк двинулся в наступление. Но вскоре солдаты увидели, что с ними нет офицеров. Солдаты возроптали, а затем вовсе отказались итти в атаку. Не помогли увещевания ни командира полка, ни командира дивизии. С криками «давайте есть, одевайте, обувайте, а то воевать не будем и сдадимся в плен» от атаки отказались все роты полка. К 306-му Белгородскому полку вскоре присоединился Царевский и другие полки дивизии. Два батальона одного полка тут же чуть ли не целиком сдались добровольно в плен. «Забастовавшие» солдаты отказались сдать винтовки и бомбы.

Волнение передалось в соседние части. Полки пришлось снять с фронта и заменить другими воинскими частями.

Такие случаи учащались и учащались. Когда одному из полков фронта выслали георгиевское знамя, командир корпуса призвал окропить его кровью. На автомобиле генерала мгновенно появилась записка: «Кончайте войну до нового года, если не кончите, то мы идем войну вести еще с Петроградом...»[1].

---

[1] «Царская армия», Сборник, стр. 99.

Налицо были такие случаи, когда начальство вне очереди снимало с фронта воинские части «в предупреждение самовольного ухода». Чтобы положить предел самовольным отступлениям солдат, издавались приказы об обстреле своих при подобных попытках[1].

На фронте циркулировали слухи о том, что на австрийском фронте взбунтовалось три корпуса, что волнуются полки кавказского фронта и т. д. Эти слухи чаще всего были вполне правдивы. К сожалению все эти случаи выступлений солдат в тылу и на фронте еще недостаточно изучены нами. Дальнейшая разработка архивов даст возможность нарисовать более полную и развернутую картину движения в армии.

Особенно популярны были на фронте сообщения о солдатских возмущениях в Кременчуге, Харькове и Гомеле. Поскольку описания выступлений в Гомеле по письмам более или менее совпадают с официальными данными, надо считать их близкими к действительности, так же как и сообщения о выступлениях в Харькове, а в особенности в Кременчуге (последние почти в одних и тех же выражениях описаны в нескольких письмах). По этим описаниям видно, что солдаты в Кременчуге отказывались ехать на фронт, разбили канцелярию коменданта, уничтожили все списки и бумаги, разбили тюрьму, выпустили арестованных, имели столкновения с полицией, убили чуть не 60 полицейских и разбили ряд магазинов и что вызванные на усмирение их казаки отказались действовать против солдат. Примерно такая же картина имела место в Харькове, где солдаты также отказались усмирять других солдат, якобы разгромивших тюрьму и выпустивших каторжников. В Гомеле волнение на этапном пункте возникло из-за того, что один провинившийся казак был высечен розгами. Волнение охватило все 5 тыс. человек, находившихся на пункте. Вызванные на усмирение солдаты отказались стрелять. Волнения были подавлены при помощи «инородческих» рот.

В окопах находили «самодельные» листовки и плакаты против наступления, отдельные роты и батальоны довольно организованно стали отказываться даже от выхода на позиции. В частности последний случай имел место в декабре 1916 г. в 17-м Сибирском стрелковом полку 5-й стрелковой дивизии и в Одоевском полку 56-й дивизии 34-го корпуса.

Рузский в своем отношении от 8 февраля 1917 г. писал

---

[1] Лемке, Двести пятдесят дней в царской ставке, стр. 180.

командующему XII армией генералу Радко-Дмитриеву о том, что во время последних боев имели место не только случаи уклонения, но даже прямого отказа солдат некоторых полков итти в бой. Такие случаи имели место в войсковых частях 2-го Сибирского армейского корпуса и в 14-й Сибирской стрелковой дивизии, а признаки таких же настроений давали себя знать в частях 21-го армейского корпуса и в 7-м Сибирском армейском корпусе[1].

Открытые выступления и отказы итти в бой на почве недостатка продовольствия и недовольства затянувшейся войной имели место на северном, на западном, румынском и южном фронтах.

Особенно часты стали отказы от наступления с октября 1916 г., когда окончательно выяснилась полная безрезультатность активных операций русских против немцев.

Участились случаи убийств офицеров. Мотив все тот же: «довольно воевать».

Начальство налево и направо сыпало каторжными и смертными приговорами, но остановить процесс разложения армии было бессильно.

Больше всего забот генералам видимо причиняли войска северного фронта, особенно те из них, которые были расположены по соседству с Ригой и которые вступали в более тесное соприкосновение с революционно настроенным рабочим населением этого города. 10 февраля тому же Радко-Дмитриеву за подписью генерала Коламбовского из штаба верховного главнокомандующего было направлено уже новое отношение, в свое время опубликованное в газете «Новая жизнь» от 21 сентября 1917 г. В этом отношении категорически заявлялось о том, что требуются решительные меры против развивающегося и растущего революционного движения. «Революционные элементы приступают, а может быть уже приступили к организации своих сил для вооруженного восстания в конце кампании» — говорилось в этом отношении. Для борьбы с революционными организациями и пропагандой в частях действующей армии рекомендовалось подавлять в зародыше все признаки упадка дисциплины и проявления революционных настроений солдат. В этих целях рекомендовалось проводить беседы командиров частей с младшими офицерами, а этим последним рекомендовалось подобные же беседы проводить с солдатами, преимуще-

[1] Данные заимствованы из материалов, опубликованных в № 4 «Красного архива».

ственно с унтер-офицерами, а затем с наиболее «развитыми» рядовыми. Кроме того рекомендовалось прибегать к проповедям священников, но в особенности к тщательному извлечению из рядов армии наиболее ненадежного элемента среди офицеров и нижних чинов. Этому приказу был дан надлежащий ход. Но 25 февраля генерал Рузский на имя того же самого Радко-Дмитриева также пишет о том, что организация бесед с солдатами — дело очень хорошее, но представляющее собой палку о двух концах: кадровое офицерство, преданное существующему строю, мало подготовлено к проведению политических бесед (понятно, оно больше привыкло действовать зуботычинами, а не разговорами). Речи таких офицеров, неясно или неосторожно выраженные, могут привести даже к обратному действию. Не пригодны к проведению этих бесед и офицеры из зеленой молодежи и из нижних чинов, а среди офицеров запаса могут даже найтись такие лица, которые могут эти беседы направить совсем в другую, нежелательную для начальства сторону. К проведению бесед надо приступать с большой осторожностью и поручать проводить их лишь соответственным лицам. Словом, не агитировать среди солдат — они революционизируются, начни агитировать — то же самое.

Это ли не выражение определенного страха перед надвигающейся революцией?

Недаром же Рузский кончил свое приказание такой фразой: «Нельзя допустить, чтобы армия в конце войны могла стать в целом орудием революции». Однако ничто, никакие меры не могли задержать прихода последней — она пришла ранее, нежели предполагали генералы.

Продолжение войны становилось делом совершенно ненадежным. «Война становится все ожесточеннее, все ужаснее. Удушливые газы, огнеметательные горны, минные галлереи, бесчисленные аэропланы — всего этого в 1915 г. мы не знали, а теперь у нас прямо-таки французский фронт. Что же мы всему этому противопоставим? Техника и организация нам никогда не давались, и те некоторые усовершенствования, которых мы на третьем году войны с грехом пополам добились, решительно ничего не значат по сравнению с тем, что за это время сделали немцы».

Такие строки 15 января 1917 г. записал прапорщик Степун.

Положение со снабжением фронта продовольствием отнюдь не улучшилось. «Никогда раньше отзывы о плохом довольствии армии не были столь многочисленны, как те-

перь» — сообщал цензор Московского военного округа в обзоре от 17 января 1917 г.

В каждом отчете цензоров приводились целые списки полков, из которых в письмах поступали в тыл жалобы на плохое снабжение фронта пищей, обувью и одеждой.

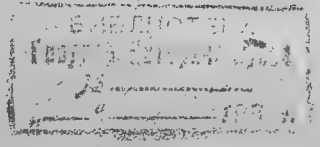
Россия и армия оказались в тупике. Только революция могла принести решение проблемы войны и мира, отвечающее требованиям самого вооруженного народа.

В феврале 1917 г. в результате хозяйственного и политического кризиса и военных поражений царизм был свергнут. Февральская революция явилась общим мощным штурмом самодержавия со стороны пролетариата и идущих за ним масс крестьянства (в том числе вооруженных рабочих и крестьян).

Огромная заслуга нашей партии заключается в том, что она не только дала общие лозунги борьбы, но определила ее конкретное содержание.

Революционные действия пролетариата в тылу стали конкретным образцом тактики для солдата. И если даже широкая солдатская масса не всегда отдавала себе отчет в том, что она идет по пути осуществления большевистских лозунгов, то конкретно ее шаги полностью отвечали этим лозунгам.

В февральскую революцию солдаты вступили, имея уже за собой значительный опыт революционной борьбы по превращению империалистической войны в гражданскую.



ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

I. Царская армия во время мировой войны

1. Россия — колосс на глиняных ногах 6
2. Структура и режим царской армии 8
3. Техническая отсталость царской армии во время мировой войны 11
4. Снабжение армии продовольствием, одеждой, обувью. Боевое снабжение фронта в 1914—1917 гг. 15
5. Поражения и потери царской армии во время мировой войны 21

II. Военная работа большевиков во время мировой войны

1. Положение масс в тылу и нарастание революционной борьбы пролетариата в 1914—1917 гг. 27
2. Тактика и лозунги партии во время мировой войны 29
3. Революционная роль в армии солдат,—бывших рабочих . . . 31
4. Военная работа большевиков в годы мировой войны 34

III. Поражения на фронте в 1914—1915 гг. Первые признаки разложения царской армии.

1. Настроение армии в начале войны 40
2. Ход боевых операций на фронте в 1914—1915 гг. 41
3. Влияние поражений на армию 43
4. Обострение борьбы солдат против командного состава и армейского режима 45
5. Революционизирующее влияние тыла на фронт 48
6. Сдача в плен и дезертирство. Начало братания на фронте в 1915 г. 51

IV. Царская армия в 1916—1917 гг.

1. Рост недовольства затянувшейся войной и жажда мира в начале 1916 г. 56
2. Надежды солдат на скорое окончание войны в 1916 г. 57
3. Нарастание политического недовольства и пораженческие настроения на фронте 61
4. Солдаты о превращении войны империалистической в войну гражданскую 67
5. Рост недовольства среди солдат-крестьян 70
6. Влияние революционного пролетариата на солдат тыловых гарнизонов 73
7. Братание на фронте в 1916—1917 гг. 74
8. Саботаж войны и „забастовки" солдат накануне Февральской революции 76

Цена 90 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

во все магазины и киоски Когиза. Почтовые заказы направлять без задатка: Москва, Блюхеровский пер., 8, Могиз „Книга—почтой".

СКЛАД ИЗДАНИЯ: Сектор партийной и комсомольской литературы Когиза, Москва, Блюхеровский пер., 8.